Врач Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

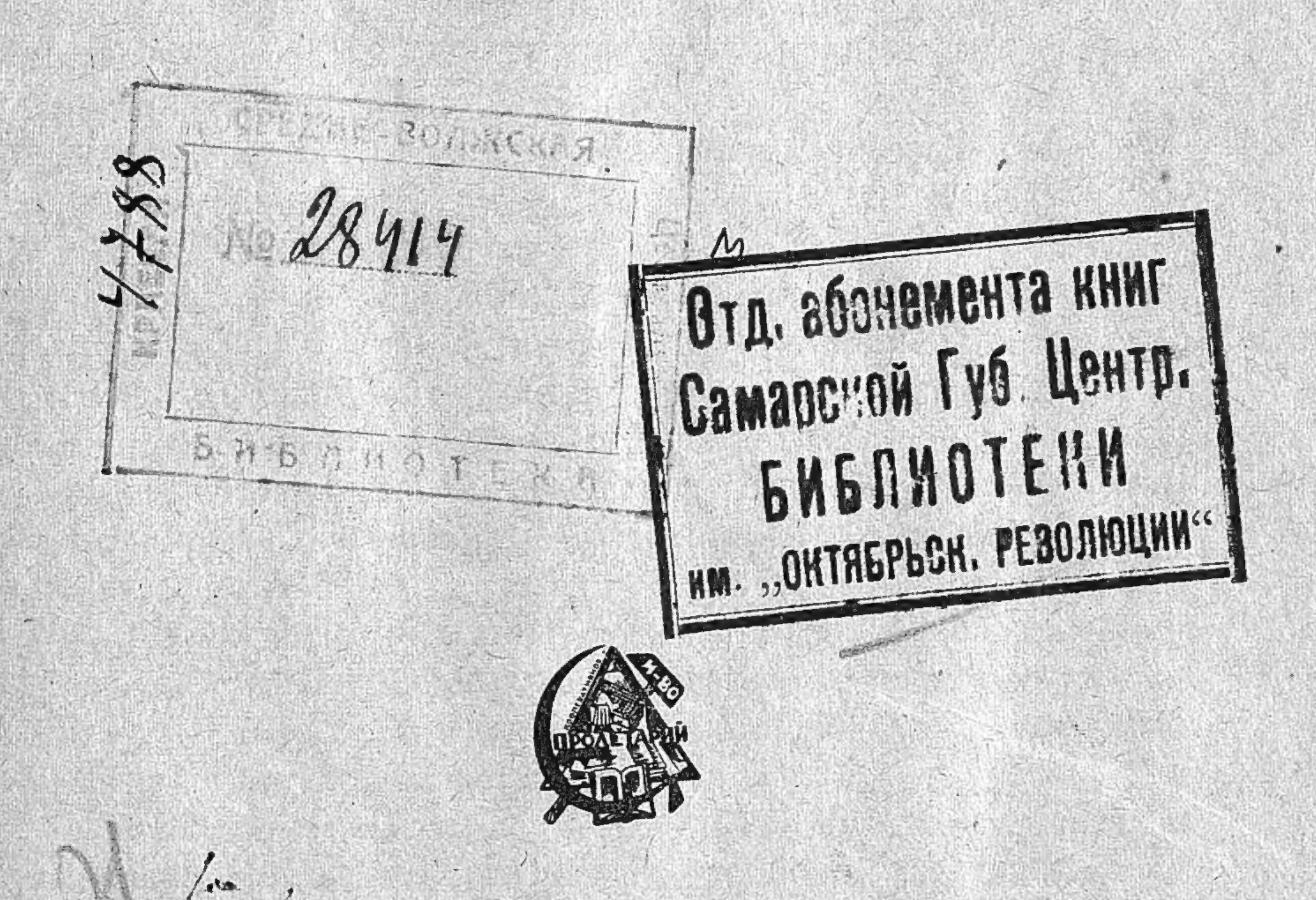
БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ДЕТИ УЛИЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"

Врач Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ДЕТИ УЛИЦЫ

2-е ИЗДАНИЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ



ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

Типография имени Петровского
изд. „Більшовик Полтавщини“

Гублит № 520 Заказ № 1046—2471 Тираж 10000

I.

Что гонит ребенка на улицу. — Факторы личные, семейные и социальные. — Влияние войны, революции, беженства, эпидемий и голода. — Сиротство. — Беспризорность. — Правонарушения. — Об'ем понятия беспризорности.

На площади перед Николаевским вокзалом, в Москве, мальчик лет девяти, видимо не обладающий капиталом для производства торга, потешает своих сверстников, „спекулянтов-капиталистов“: вымазав все лицо и руки нефтью с паровоза, под дружный хохот мальчишек, он катается „катышем“ в уличной пыли. Пыль пристает к его измазанной рожице, и он „чернее грязи“. Спекулянты-мальчишки награждают его кредитками из своей выручки.

Описав эту сцену, проф. М. Гернет (сборник „Детская беспризорность“, М. 1923 г.) с ужасом — вполне законным, конечно — спрашивает:

Кто растет для нашего социального уклада в лице этих развлекающихся по типу Тита Титыча детей-спекулянтов и этого пресмыкающегося ребенка?

Таких и им подобных картин, удручающих и жутких, можно было бы привести много. Вот, например, сценка, как стайка малолетних торговцев папиросами, яблоками, ирисом и пр. на Страстном бульваре, возле памятника Пушкину, услышав от одного из своих испуганный и предостерегающий крик „шарашики!“ — хватает свои лотки и бросается врассыпную.

„Шарашики“ (под этим нежным, ребячьим словом разумеют дети налетчиков) накидываются на их жалкий товар, и тут же, на глазах у проходящей публики растаскивают, что успеют схватить.

Не будем множить примеры — у каждого из нас, жителей сколько-нибудь крупного центра, подобные картины перед глазами, и жгучей горечью переполняют они сердце всякого, кому не безразличны судьбы нашего детства.

Тема нашего очерка — дети улицы и дети на улице — глубокими корнями уходит во все закоулки нашего быта.

Борьба на этом фронте со всех сторон встречает самые суровые и тяжелые об'ективные препятствия, но задача эта должна быть разрешена, и разрешена неотложно.

Наша жизнь перестраивается сверху донизу, во всех направлениях, один сложный вопрос вытесняется другим, еще более сложным и трудно одолимым. Но из всего этого клубка задач, где не отыскать, кажется, концов и начал, самой неотложной и вопиющей является задача улучшения жизни детей.

И прежде всего — детей улицы, детей беспризорных.

Опасность, какую таит в себе рост детской „уличности" — из числа тех, которые сами собой, постепенно, не проходят. Здесь нельзя успокаивать себя соображением, что исцеление придет современем, как результат медленного перевоспитания общества, улучшения и под'ема хозяйства, общего под'ема культурного и экономического уровня страны.

Нет, бедствие на наших глазах не только не ослабевает, но и растет вглубь и вширь, и меры борьбы здесь нужны самые решительные, самые действенные.

В сущности, понятие „уличности" целиком входит в об'ем беспризорности, покрывается им, хотя беспризорность, разумеется, гораздо шире. Улица — вообще плохой учитель, а улица современного города, в эпоху новых хозяйственных отношений, и подавно.

Полностью учесть размеры бедствия очень трудно, но несколько беглых цифр будут здесь не лишними.

Сборник „Детская беспризорность", пытаясь охватить эти размеры, принимает, что число сирот (а сиротство, естественно играет важнейшую роль в происхождении „уличности") на всем пространстве СССР составляло (подсчет относится к началу 1923 года) от одного до полутора процентов всего населения, то-есть, равнялось полутора — двум миллионам подростков. К началу 1925 г. число это должно было еще увеличиться, но более свежих подсчетов не было опубликовано.

Кроме сирот, в одинаковом с ними положении — и в одинаковой, следовательно, опасности быть втянутыми в воронку улицы — находятся те несовершеннолетние, которые хотя и имеют в живых одного или обоих родителей, но, утратив с ними связь, потеряли ее во время войны или скитальчества

(беженства). Сюда же относятся те полусироты, у которых единственный живой родитель не может о них заботиться, — например, по инвалидности, хронической болезни и пр.

Таких детей и подростков имеется, надо полагать, еще от одного до полутора процентов, и значит, общее число несовершеннолетних, нуждающихся в заботах о них государства, равно 2 — 3% общего населения в Федерации, т.-е. от 2.700.000 до 4.000.000 детей и подростков.

Уже эта цифра может привести в ужас — так много телесного ущерба, и умственного одичания, и моральной запущенности за нею скрывается. Но, ведь, сюда не вошла еще — или вошла лишь частично — обширная, буквально со дня на день растущая группа детей и подростков, занятых на улице тем или другим трудом, что тоже связано с опасностями „уличности", и что, с другой стороны, далеко не всегда совпадает с сиротством или полусиротством.

Ярким показателем „уличности" служит также подавляющее обилие детей и подростков, лишенных школы. К средине 1923 г. в РСФСР (без автономных республик) из 6.836.180 подростков обоего пола пользовались школой лишь 558.020. Немногим больше полумиллиона обслуженных школой — против *шести миллионов слишком*, оставшихся за ее стенами!

Или вот — кошмарные цифры о том потоке детей-беженцев, какой разлился, скопляясь на узловых станциях, как у плотин, в годы голода. На ст. Батраки временами скоплялось до 13.000 детей, в Симбирске — 36.000, в Челябинске — 48.000, в Оренбурге — 55.000, в Уфе — 50.000—60.000.

И так далее, и так далее.

О детской беспризорности, как о явлении массовом, можно говорить, в сущности, начиная с европейской войны.

До войны размеры „уличности" были не только вне всякого сравнения меньше, но и характер уличности был другой. До войны дело сводилось, главным образом, к профессиональному нищенству, к правонарушениям детей — по прежнему наименованию, детской „преступности" — далее, еще к малолетней проституции.

Война всколыхнула весь семейный уклад и сразу дала могучий толчок беспризорности, а значит, и тяге детей на улицу. Выросли многие в новые виды приложения детского труда,

расшатались скрепы семьи, лишенной сплошь и рядом взятого на фронт кормильца — и беспризорность стала расти вглубь и вширь, как прямое следствие войны.

Как быстро стала сказываться военная обстановка на беспризорности детей, может дать косвенное понятие следующее: если в августе 1914 г. в Петрограде городские попечительства о бедных оказывали помощь 35.983 семьям (помощь оказывалась, и весьма скудно, лишь самым беднейшим), то уже в ноябре 1915 г. число семей, пользовавшихся поддержкой, возросло более, чем вдвое и достигло 83.848. Это значит — по вычислениям д-ра Ограновича — что свыше 150.000 петроградских детей уже тогда было лишено куска хлеба.

Все это были частью сироты, частью дети отцов, ушедших на войну; частью дети, уже занятые, несмотря на ранний возраст, непосильным трудом в нездоровой обстановке. Таким образом, все это были дети, так или иначе беспризорные.

Дети и подростки расплачивались за кошмар войны дороже тех взрослых, которых пощадил фронт. Отцы либо гибли и оставляли их сиротами, либо возвращались калеками и навсегда, в лучшем случае — на несколько лет, оставляли их без призора и наблюдения. Тем более, что и матери, чтобы как-нибудь поддержать падающее хозяйство, вынуждены были работать за двоих, втягиваясь в промышленность и отхожие промыслы, отрываясь, таким образом, от семьи.

И недостаточность, ущербленность, неполноценность всей будущей судьбы детей закладывалась уже в это время.

Те, кто в 1914 — 1915 г. были детьми, сейчас стали взрослыми юношами и девушками, и печальные последствия военной заброшенности, недостатка внимания и заботы именно теперь дают себя знать очень чувствительно.

Вслед за внешней войной и в том же направлении стала действовать и война гражданская.

СССР, окруженному со всех сторон врагами, некогда было отдавать заботе о детях достаточно людей и средств; хотя даже в эти годы делалось очень многое, а основы детского законодательства, охраны детства были заложены именно в этот период, но сама по себе обстановка гражданской войны не могла не отражаться болезненно на развитии

детства, на степени заботы о нем. Тем более, что под ударами революции старая форма семьи в сознании городских масс все более расшатывалась, а влияние школы, к тому времени уже лежавшей в обломках, стало совсем ничтожным.

В итоге степень беспризорности детей и подростков степень их зависимости от „улицы“ все более возрастала.

Следующий период — примерно, 1920 — 1921 г. и значительная часть 1922 года — даже стихийно способствовали росту „уличности“. Свирепые эпидемии, перекатываясь по всему лицу ослабевшей страны, не только порождали сиротство, но в обстановке деревенской темноты питали также духовную разобщенность, поддерживаемую паникой и страхом перед эпидемиями. Дети и подростки отбивались от дома, свыкались с жизнью на улице, втягивались в бродяжничество и дичали.

В голодной полосе этот процесс принял особенные формы. Чисто бытовым, вполне обыденным явлением стало голодное беженство.

Само по себе передвижение больших масс населения не было новостью, за последние десять лет оно уже имело свою длинную и скорбную историю, ибо беженство, от которого опять-таки больше всего страдали дети, началось еще в годы европейской войны.

Отчасти убегая от военных действий, отчасти повинуясь прямым приказам военных властей, жители прифронтовой полосы, в особенности на западной (германской границе), снимались с насиженных мест, где, как - никак, десятилетиями пустили корни, и, точно вспугнутые птицы, бросались во внутренние губернии.

Много тут было злобного и бессмысленного ущемления так называемых „инородцев“ — в первую очередь, конечно, постоянных козлов отпущения в царской России, евреев, — много и просто тупоумия и бездарности, какие столь свойственны были многим из руководивших операциями царским генералам.

Если у нас война так быстро и круто — гораздо круче, чем в других воевавших странах — подняла детскую беспризорность, увеличив и углубив ее без всякой, к тому же, пользы для военных целей, то этим мы в значительной

мере обязаны именно тупоумной политике царских военных властей.

Годы гражданской войны с ее переплетающимися повсюду боевыми фронтами, с громадным отливом взрослых мужчин на все эти участки борьбы — по ту и по сю сторону баррикад — еще больше содействовали скитальчеству детей, их покинутости и беспризорности. В сфере политического беженства к случаям физической потери детей родителями и родителей детьми присоединились не менее болезненные случаи, когда родители и дети оказывались по ту и по другую сторону баррикад, в разных лагерях.

В этих условиях не только предрешалась полная беспризорность ребенка, попавшего между жерновов истории, но и возникали глубокие душевные драмы в детской жизни. Автору, в его работе в комиссиях о несовершеннолетних на Дону и на Урале, не раз приходилось сталкиваться, в районах недавних политических боев и восстаний, с фактами этого рода.

Приведем кстати замечания о роли революции в этом смысле, сделанные тов. Н. К. Крупской на конференции по борьбе с детской беспризорностью в Москве, в марте 1924 года.

„Поскольку революция есть разрушение устаревшего, изжившего себя порядка, старых семейных и общественных отношений, она также является одной из причин беспризорности“,— говорит тов. Крупская. Революция не бывает тихой и благонравной и, конечно, она и у нас развязала страсти. „Громадная ненависть была сопряжена со страшными потрясениями, с очень тяжелыми переживаниями — иначе не бывает ни одной крупной революции“. И докладчица очень метко и глубоко обозначает детскую беспризорность, как „одну из крупнейших издержек революции“.

Как сказано, самый облик нашей беспризорности существенно изменился в описываемые годы.

Точно некая инфекция, широкая волна беженства, а с нею и беспризорности, стала распространяться по железным дорогам, давая то тут, то там громадные скопления, настоящие „пробки“, которые рассасывались очень медленно и болезненно, особенно при тогдашней, сильно упавшей, пропускной способности наших железных дорог. Помимо всего прочего,

эти скопления давали повод еще и для настоящих заразных болезней, которые, вместе с хроническим недоеданием, недостатком одежды, холодом и пр., подкашивали молодые жизни.

Органы Соцвоса и общественные организации изнемогали в стараниях канализировать это течение, этот напор самотеком. Всего тяжелее приходилось — отчасти приходится и теперь — Москве: она стала излюбленным центром тяги детей и подростков из всей России.

Судьба детей-беженцев и вообще беспризорных, направлявшихся отчасти самотеком, а в последние месяцы голода организованно — в более крупные и сытые центры, была различная.

Не малое их количество было позднее, преимущественно во второй половине 1922 и первой половине 1923 года реэвакуировано обратно на родину, частью вместе с возвращавшимися на родину родителями („обратники"). Но во вторую половину 1923 г. пришлось от такой реэвакуации отказаться, так как выяснилось, что места обычно не приспособлены для обратного приема этих детей: родители еще не успели прочно стать на ноги, а учреждения социального воспитания, сжатые тисками экономии и хозяйственного расчета, тоже затруднялись принять в свое ведение армию „обратников". Часть из них — и не малая — уже пустила корни на новом месте жительства, вступив в школы, в производство, Комсомол и пр., но другая часть влилась на новой своей „родине" в кадры беспризорных и уличных подростков.

Полной переписи, которая дала бы нам точные сведения об армии детства, нуждающейся в помощи государства, у нас не было, но несколько цифр мы еще приведем, дополнительно к уже данным выше.

Уже летом 1923 г. количество беспризорных выражалось (см. сборник „На помощь ребенку", М. 1923 г.) в следующих цифрах: Вятская губерния — 38.750, Пермская — 37.300, Симбирская — 46.800, Самарская — 61.600.

К сентябрю того же 1923 года количества эти, по данным М. Гернета („Социально-правовая охрана детства", М. 1923 г.), выразились в следующей таблице (даем ее в сильно сокращенном виде):

Москва	18.789
Челябинск	15.000
Киргизская республика	172.030
Трудовая колония немцев Поволжья	33.970
Татреспублика	17.500
Ижевская губ.	43.000
Воронежская губ.	23.971
Куб.-Черноморская губ.	58.135

Всего список насчитывает 444.412 беспризорных — цифра, которая меньше действительной, по крайней мере, впятеро.

Еще выразительнее итоги переписи детского населения по некоторым отдельным губерниям, напр., Владимирской (заимствуем из того же источника): 3 девочки на 422 мальчика, в возрасте 8—16 лет только 226 имели обоих родителей, 27 имели только отца и 124 только мать (у 45 детей — неизвестно).

Из 737 девочек имели обоих родителей 386, только отца 50 и одну только мать 235 (у 57 девочек — неизвестно).

Страшный процент сиротства, а значит, и беспризорности тем очевиднее об'ясняется, именно, действием войны, что преобладают, в подавляющем большинстве, сироты, имеющие только мать: отцов пожрал бог войны.

Мы уже говорили, что дети улицы, это — вместе с тем и дети беспризорные, но в то же время признак беспризорности с полным правом можно отнести вовсе не к одним только уличным детям. Как это ни странно, но насчет понятия о беспризорности необходимо условиться: об'ем ее оценивается многими слишком узко и, главное, формально.

Беспризорный ребенок, это — не только сирота, оставленный на произвол судьбы или вообще в пренебрежении, покинутый, брошенный, бездомный и пр. В понятие беспризорности входит целый ряд признаков, далеко не однородных и не всегда имеющихся налицо. Тут и понятие недостатка воспитания, и факторы материальной нужды, и проявление морально-опасного состояния малолетнего. В общем, понятие беспризорности можно охватить, сказав, что она подразумевает сумму неблагоприятных для развития малолетнего условий и обстановки.

В одном случае она вызывается материальными причинами — родители лишены внешней возможности как

следует обставить жизнь своего ребенка. В другом случае ребенок лишен надлежащей нравственной атмосферы и нравственного воспитания, в третьем его умственные силы остаются в загоне или развиваются недостаточно, в конце концов, так или иначе, разовьется отсталость ребенка, как следствие беспризорности.

Неблагоприятными бывают условия внешней среды не только в быту сирот. И совершенно справедливо недоумевает Клара Цеткин, почему для изготовления пары сапог надо, как понимает каждый, знать сапожное дело, а быть воспитательницей умеет быть, будто бы, каждая мать, по самой своей природе.

Действительно, давно пора оставить укоренившееся в умах массы представление, будто всякая мать — идеальная воспитательница. Сплошь и рядом мать — а с нею и отец — даже при всем желании не умеет надлежащим образом воспитать ребенка и прививает ему — хотя бы и с самыми лучшими намерениями — грубо ошибочные взгляды, привычки и проч. Это достаточно об'ясняется хотя бы темнотой, столь присущей значительной части родителей, в особенности же именно матерей. Отсюда — беспризорность, даже при наличии обоих родителей, любящих, но неразумно воспитывающих свое дитя.

В других случаях у родителей хватило бы умения и разума для нормального воспитания детей, но суровая борьба за существование отрывает их от семьи и от дома: дети живут в забросе и загоне. Наконец, в третьих случаях нет и препятствия в виде нужды или отрыва родителей от семьи: у родителей налицо и некоторое развитие, и средства, и досуг, но нет действительного, активного интереса к детям; отсюда — опять-таки недостаток надзора, ненадлежащая воспитательная обстановка.

Последнее (недостаток простого внимания и интереса) наблюдается, пожалуй, чаще всего. Мы уж не говорим о фактах прямого себялюбия и эгоизма, при котором отец или мать органически лишены способности думать о чем-нибудь другом кроме себя, своих удобств, желаний, привычек и пр.: это опять-таки исключения. Но сплошь и рядом родители, даже в довольно интеллигентной среде, ограничивают свою заботу о ребенке тем, чтобы доставлять ему все необходимое:

ребенок сыт, одет, обут, даже имеет удовольствия и книги, но его душевный мир, его переживания он вынужден таить в себе, ибо они не находят в семье сочувствия и отзвука.

Ребенок, скажем, только-что вернулся из школы, вся семья собралась за обедом. Его маленькая душа, живущая такой богатой, напряженной жизнью, переполнена: в школе было так много интересного для него, значительного. Так хотелось бы рассказать все это, поделиться. Но эти хмурые, вечно занятые, большие люди говорят только о своих делах, таких скучных и непонятных. И толпящиеся в юной головке мысли, порыв доверчивости и потребность в общении вянут, слова замирают на губах.

На первый взгляд это может показаться мелочью, не стоющей внимания деталью. Но на деле тут источник все более растущей отчужденности ребенка в семье. Не встречая живого интереса и сочувствия ко всем своим маленьким, но суб'ективно таким важным новостям и впечатлениям, ребенок и в дальнейшем, вырастая, не станет приносить отцу и матери своих мыслей и чувств.

В итоге подросток либо становится замкнутым, глуша в себе живость и открытость натуры, либо ищет сочувствия на стороне, очень часто в мутном и опасном источнике. Так или иначе — семья теряет в его глазах значительную часть своего обаяния, становится менее дорога и ценна ему.

Не трудно видеть, что уже здесь заложены семена беспризорности, заброшенности, одиночества.

При этих условиях родители даже сами приходят в учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних и просят принять меры к из'ятию ребенка из дурной среды товарищей, чтобы таким образом предупредить его окончательное социальное падение.

Самое понятие о беспризорности определяется различными исследователями различно. Приведем, в виде примера, определение беспризорности, даваемое „Положением об охране детства" Наркомпроса Украины, согласно которому устанавливаются следующие категории беспризорности:

1) несовершеннолетние, поставленные в условия, могущие иметь пагубное влияние на их здоровье (без пищи, одежды и т. п.);

2) несовершеннолетние, оставленные без надзора и попечения, хотя бы налицо имелись заботы об их здоровьи;

3) при отсутствии условий, указанных в пунктах 1 и 2, несовершеннолетние, оставленные без того минимума воспитания, который родители обязаны им дать;

4) в особенности несовершеннолетние, родители которых сами ведут порочный образ жизни, а тем более — потворствуют тому же в детях или склоняют их к тому;

5) несовершеннолетние, занимающиеся нищенством, бродяжничеством или проституцией.

Нам думается, что все определения такого рода, стремящиеся служить руководством для практических работников по борьбе с беспризорностью, обречены на неполноту, ибо не могут охватить всего многообразия житейских и бытовых взаимоотношений с одной стороны, и интересов ребенка, с другой.

Быть может, правильнее, не стремясь к перечислению всех конкретных видов и признаков беспризорности, ограничиться более общим положением: в состоянии беспризорности находится ребенок, который либо не пользуется надлежащим присмотром и обеспеченностью со стороны родителей, учреждений или отдельных лиц, либо пользуется таким присмотром и живет в такой среде, которые не могут обеспечить ему основ здорового воспитания.

Для всех многообразных форм беспризорности общим, по нашему мнению, признаком можно принять нарушение интересов ребенка — интересов как телесного развития и роста, так и умственного развития и морального здоровья. Остановимся несколько на отдельных формах и видах беспризорности, начав с основных форм, какими являются сиротство и нужда.

Сиротство наиболее непосредственно влечет за собой состояние беспризорности (социальной недостаточности) и наиболее повелительно требует вмешательства государства (опека). В отношении сирот — в особенности круглых сирот — всего ранее и полнее стало осуществляться повсюду государственное призрение.

Интересно, что в смысле разложения социальной личности и, в частности, совершения преступления, потеря отца гораздо опаснее, чем матери: по образному выражению одного исследователя, хлеб, даваемый отцом, лучше предохраняет ребенка от тюрьмы, чем ласки матери. Здесь

сказывается трагическая, роковая сила нужды и ее влияние на беспризорность.

Даже потеряв только отца (а война наводнила Европу вдовами) ребенок обрекается на лишения и заброшенность: мать-вдова не может сводить концы с концами или, во всяком случае, делает это ценой пренебрежения детьми в течение большей части дня. Ставши же круглым сиротой, ребенок, если только не подоспеет своевременно помощь и поддержка извне, что случается редко, окончательно попадает в разряд сугубо беспризорных.

Если ему не посчастливится найти работу — а это становится все труднее, — то для него остаются только два пути: либо нищенство, либо воровство, вообще преступления (для девочки — проституция).

Как резко сиротство влияет на состояние беспризорности, легче всего проследить именно на соотношении между правонарушениями и семейным положением подростка. Так, среди питомцев русских исправительно-воспитательных заведений для подростков процент сирот за 1911 — 1915 г.г. колебался между 50 и 57. Чрезвычайно выросло также — в полтора раза за эти же годы — и число внебрачных детей, а известно, что внебрачность ребенка в старом русском быту— отчасти еще и теперь — есть один из видов сиротства.

Из послереволюционных данных приведем результаты относящегося к 1920 г. обследования семейного положения питомцев детских домов для нравственно-дефективных детей в Петрограде.

Оказалось, что оба родителя были живы только у 22%, один отец у 12%, одна мать у 37%, круглых сирот было 30% и пр. Если сопоставить эти процентные отношения с итогами только что упомянутого обследования 1911—1915 г.г., то окажется, что число круглых сирот увеличилось почти вдвое. Это, конечно, находит себе об'яснение в убыли населения, в частности мужского — в годы войны и голода.

По данным следующего, 1921 г., среди несовершеннолетних рецидивистов целых 70% являлись сиротами или полусиротами [1]).

---

[1]) См. П. И. Люблинский — „Борьба с преступностью несовершеннолетних", Пгд. 1923 г.

Исключительно важную роль в происхождении правонарушений играет, как мы это видели и выше, говоря о беспризорности вообще — сиротство ребенка. Особенно заметно влияние этого фактора на семейном положении подростков, привлекающихся за повторные правонарушения. Вот относящаяся сюда таблица (см. В. И. Куфаев — „Юные правонарушители". М. 1924 г.):

	1921 г. %	1922 г. %
Имеющих обоих родителей	30,9	34,7
„ только отца	8,3	7,5
„ „ мать	32,0	32,4
Сирот	28,8	25,4
	100,0	100,0

Здесь обращает на себя внимание высокий процент сирот и детей, имеющих только мать, что и понятно, так как у ребенка-сироты или полусироты экономическое положение, после первого постановления комиссии о несовершеннолетних, нисколько не улучшается, и он вынужден совершать все новые и новые правонарушения.

Наряду с детьми-сиротами и детьми одиноких родителей не малый процент правонарушений дают и дети обоих родителей: это об'ясняется тем, что современная семья нередко (а, по мнению В. И. Куфаева, даже „сплошь и рядом") является очагом, который не только не спасает детей от социальной запущенности, но даже способствует ее развитию.

Та экономическая необеспеченность, говорит названный только что автор, в которой обретается большая часть семейств, прежде всего и в значительной степени обрушивается на ребенка. В таких семьях он — постоянный свидетель ссор, драк, споров, которые возникают между близкими родственниками на почве недостатков. От внимания детей не ускользает и обсуждение плана легкого заработка путем воровства. В семьях же торговцев в присутствии детей происходит торгашество и другие явления спекулятивной биржи.

В эту же группу беспризорных детей должны быть включены, как правило, и внебрачные дети, ибо фактически внебрачность сочетается обычно с оставлением семьи отцом (так наз. „семейное дезертирство") или вообще с раздельным жительством родителей с самого рождения ребенка.

Тут на возникновение беспризорности ребенка влияет беспомощность социально-одинокой женщины, в особенности одинокой матери, тем более, что к этому одиночеству почти неизбежно присоединяется нужда. Здесь тоже очень характерные цифры дает изучение семейного положения и происхождения питомцев разного рода исправительных заведений, вообще изучение быта юных правонарушителей.

Хотя смертность среди внебрачных малых детей обычно, по меньшей мере, вдвое превышает обычную детскую смертность, тем не менее ко времени достижения ими возраста подростка, к каковому возрасту относится большая часть правонарушений (переходный возраст к юношеству), внебрачные дети вдвое чаще дают правонарушителей, чем дети, рожденные в браке.

Правда, в Советской России, а также, в самое последнее время, и кое-где на западе, напр., в Норвегии — клеймо с внебрачных детей (и матерей также) снято, хотя они по закону вполне уравнены с „законными" детьми и всякое различие между теми и другими полностью отброшено, но быт далеко не всегда, как известно, поспевает за законом, и фактически положение социально-одинокой матери все еще бывает часто тяжелым; это отражается, конечно, и на детях, усиливая состояние их беспризорности.

Таким образом, сиротство далеко не ограничивается случаями фактической смерти родителей; иногда родители, как это наблюдалось во время голодной полосы, прямо покидают ребенка на произвол судьбы, либо из горького сознания невозможности помочь ему в муках голода, либо из крайнего эгоизма и равнодушия к его судьбе, вызванных собственными муками голода.

Наконец, беженство изобилует ставшим у нас в последние годы бытовым явлением — утратой ребенком связи с родителями. Во время эвакуации из голодающих мест такие случаи, особенно при повторных переездах детей из города в город, или же при заболевании ребенка и переотправке его из больницы в больницу, всякий след ребенка терялся родителями — или, обратно, след родителей ребенком — довольно часто, и восстановить утраченную связь бывает потом очень трудно. В особенно тяжелом положении оказывались эвакуированные в центральный, великорусский район; дети

национальных меньшинств, напр., татары, вотяки, киргизы, башкиры и пр.

Организованным порядком дети эвакуировались далеко не всегда, но даже и при этом условии случалось, что маленькие татарчата или латыши оказывались в чисто русском или русско-еврейском детдоме, где-нибудь в Костроме или Витебске, лишенные местного языка и уже по одному этому беспризорные. Когда же детский беженский поток шел хаотически и стихийно, то тут маленькие „инородцы", по гнусной терминологии царизма, окончательно и сразу становились беспомощны и беспризорны.

Отметим кстати, что утрата связи родителей с детьми и обратно приняла такие большие размеры, что еще в 1921 г. было приступлено к созданию при органах Соцвоса в центре и на местах особых детских адресных бюро для собирания и выдачи справочных сведений о таких случаях. Это прекрасное учреждение, не требующее, вдобавок, для своего устройства ни специальных работников ни особых расходов, к сожалению, развивается у нас на местах крайне слабо: существующие к настоящему времени детские адресные бюро можно пересчитать буквально по пальцам.

А между тем, для таких учреждений еще и сейчас нашлось бы нужное дело по ликвидации детской оторванности, корни которой—позади, в периоде голода, беженства и эпидемий.

Уже из сказанного выше видно, как многообразны виды и источники беспризорности. В основе дела, в огромном большинстве случаев, лежит все же материальная нужда как в смысле обстановки семьи, в которой живет ребенок, так и в смысле тех условий среды, в какой проходит жизнь ребенка или подростка, например, его трудовой быт.

Влияние этого фактора — материальной нужды — на степень беспризорности опять-таки легче всего видеть на наиболее выпуклом проявлении беспризорности, именно, на социально-опасных актах, то-есть, правонарушениях. Мы и здесь не будем приводить статистических таблиц о прямой связи между степенью нужды родителей и частотой правонарушений их детей, но извлечем из относящейся сюда статистики несколько выводов.

Статистика показывает, что мать, занятая домашним хозяйством, не в состоянии надлежащим образом наблюдать

за мальчиком-подростком, и он довольно быстро сбрасывает с себя ее сдерживающий авторитет. Напротив, на девочках сдерживающее влияние матерей домашних-хозяек сказывается очень явственно.

Если же мать втянута в производство и вообще в постоянный труд вне дома, то это очень болезненно отзывается на образе жизни девочки-подростка, легко давая повод к беспризорности.

Чрезвычайно отчетливо влияние нужды можно проследить по столь надежному признаку, как жилищная обстановка: дети, живущие с семьей в квартире, подвергаются гораздо меньшим опасностям, в смысле беспризорности (и преступности), чем дети в семье, занимающей одну комнату, а тем более — обитатели углов или ночлежек.

И здесь опять девочки-подростки, как социально менее устойчивые, скорее поддаются опасности, чем мальчики, тем более, что мальчик по образу своей жизни менее привязан к семье и чаще бывает занят работой (службой и т. д.) вне дома, девочки же, прикованные к хозяйству, с головой окунаются в домашнюю обстановку.

К тому же дурные жилищные условия, скученность и теснота связаны у девочки с тяжкой опасностью и угрозой для ее женской чести, в смысле ли прямого насилия или совращения, или же — гораздо чаще — медленного развращения или искушения.

Вообще жилищная нужда — одна из самых губительных форм нужды, в смысле ее влияния на детство. Если целая семья, иногда с взрослыми почти юношами и девушками, занимает угол, все спят вповалку, чуть ли не на одной постели, то здесь неизбежно создается почва для „социальных травм“ (ранений), для телесного и нравственного дичания, для умственной отсталости.

Взрослые, тоже развращаемые и угнетаемые нуждой, не могут, да и не хотят стесняться в присутствии младших и не понимают важности этого. Дети и подростки с самых ранних лет втягиваются в интимный быт, привыкают к первобытности и грубости самых потаенных чувств и отношений людей, в том числе и отношений половых.

Если в мальчике-подростке такая тесная близость к изнанке жизни, к ее самым отталкивающим сторонам вызывает

известный цинизм, грубые и дурные привычки, каковы сквернословие, ранние и уродливые половые связи, склонность к преступлениям, то у девочек это влияние бывает еще глубже. Оно никогда не остается поверхностным и почти неизбежно тянет их в преступление или в проституцию — иной раз в ту и другую бездну сразу.

Как ужасны бытовые и, в частности, жилищные условия беспризорных, видно, например, из следующего вопиющего факта. Оказывается, что еще и сейчас в Москве, на Петровке, близ здания бывшего Мюр-Мерилиза существует детское общежитие в мусорном ящике!

„При обходе ночью Петровки — пишет Ю. А. Наумова — послышалось движение в мусорном ящике. Подойдя ближе к ящику, я первоначально ничего не обнаружила, но, осматривая вплотную закрытую крышку ящика, заметила маленькое отверстие для воздуха. Долго дети не подавали звука; наконец, послышались раздраженные голоса: „Что вы ходите! Ведь, ничего не сделаете! Вот лучше накормили бы, дали бы работу, тогда другое дело“.

Постепенно дети выползли. В то время их было в ящике всего 6 человек в возрасте от 12 — 17 лет. Постоянных же обитателей этого „жилища“ — 10 человек. Из них один мальчик окончил 5 классов коммерческого училища. Последнее время он безработный, был уволен по сокращению, новой работы он не нашел, все, что имел прожил и поместился в мусорном ящике“.

Нередки и случаи, когда беспризорные в большом городе не имеют даже такого логовища, а целыми неделями носятся по городу из конца в конец, проводя ночи где попало: то под мостом, то в развалинах дома, то в густой аллее сада. По данным за 1922 г., из каждой сотни мальчиков, привлеченных за имущественные правонарушения в Москве, только 45% сирот имели хоть какой-нибудь приют, остальные же жили на вокзалах, в подвалах, под крышами башен. В ночлежках тоже живут, главным образом, дети-сироты; они же больше, чем дети, имеющие родителей, занимают углы и койки.

Не говоря уже о гигиенической обстановке ночлежек, но и моральная атмосфера в них более чем сомнительная: здесь дети получают первые уроки по краже, поступая

„подручными“ к более опытным ворам, и выдерживают воровской „стаж“, стоя на страже или унося украденное.

Сказанного достаточно для того, чтобы подчеркнуть разлагающее действие „жилищного голода“ на подростков. Известно, какое огромное место в проблеме излечения ран войны занимает вопрос о расширении жилищной площади в больших городах. Наши русские большие города страдают от этого всего больше, но в известной мере крупные города Европы за годы войны тоже обеднели в своем жилищном богатстве, а в Германии, например, с самого начала войны строительство новых домов в городах даже было воспрещено, ради экономии материалов для военных целей.

У нас городское строительство совсем замерло, а ремонт жилищ в городах тоже сильно сократился в течение военного и послевоенного периода, и здесь — все более и более растущий источник детской нужды, детской беспризорности, детской преступности и проституции.

Если тот же фактор, степень нужды, оценивать прямо по уровню заработка, получаемого главой семьи, то, согласно американской статистике, получится, что среди прошедших через детский суд мальчиков в г. Чикаго в 1912 г. 76%, а среди девочек 90% принадлежали ранее к семьям нуждающимся или стоящим на краю нужды.

Как и выше, влияние указанного фактора гораздо резче сказывается на девочках, чем на мальчиках. Это потому, что мальчик, уже в силу большей своей физической силы и большей подготовленности к жизненной борьбе (в том числе и в смысле трудовой подготовки), легче, чем девочка, может найти себе заработок, и труд до известной степени может удержать его от окончательного падения, от полной беспризорности.

Заодно отметим, что вообще девочки совершают правонарушения гораздо реже мальчиков. В общей картине детской „преступности“ девочке никогда не приписывают больше одной десятой доли; этот вывод разделяю и я, на основании моего личного опыта. Причину этого, помимо уже указанного обстоятельства, следует видеть, очевидно, в следующем: девочка не только по своему общему облику, но и по образу жизни реже имеет поводы к столкновению с законом, вообще с нормами общежития.

Наконец, у девочек часто не хватает необходимых для совершения преступного акта свойств — активности и самообладания, энергии и инициативы, изобретательности или даже просто воображения.

Связь между преступностью и внешней средой, в которой живет подросток — самая непосредственная. Возьмем, напр., влияние голода 1921 — 1922 г.г.

В первом полугодии 1920 г. сравнительно сытого, по всей республике (без Москвы и Ленинграда) поступило во все компонесы [1]) 12.500 дел, а в первом же полугодии следующего голодного 1921 г. число поступивших дел достигло 32.635, т. е. поднялось на 160%.

В голодных местах наблюдалась даже прямая пропорциональность между ростом цен на хлеб и ростом детских правонарушений. Любопытно, что параллелизм этот наблюдался не только в голодных районах, но и в тех пунктах, куда направлялись толпы голодных беженцев, в значительном числе с детьми и подростками.

Возвращаясь к анализу понятия и разных видов беспризорности, скажем еще несколько слов о прямом нарушении жизненных интересов ребенка, о непосредственной эксплоатации их, а также об отрицательном влиянии семьи. Последнее часто сочетается опять-таки с злоупотреблением родителей своей властью над детьми, с нравственным давлением на их личность.

Выше мы упоминали мельком о родителях, небрежно относящихся к своим обязанностям, забывших эти обязанности ради собственных эгоистических целей. Следующая ступень в этом направлении — прямое использование детей в своих корыстных целях. Сюда относится беспризорность, состоящая в принуждении ребенка к чрезмерному труду, или труду отупляющему, или вредному в нравственном отношении. Не очень редки случаи, когда родители сами посылают детей нищенствовать или красть, девочек — проституировать и пр.

Качественно ту же картину, хотя и в гораздо более мягких формах, представляют собой случаи, являющиеся чуть ли не правилом и нормой, когда родители, из ложно понятых

---

[1]) Сокращенное название комиссий по делам о несовершеннолетних.

забот о будущем ребенка, толкают его на нелюбимый, постылый труд, кажущийся им выгодным в будущем или „приличным“; не дают ему развивать свои способности в определенном направлении, обрекают его на одиночество, на вечное сидение дома, без впечатлений и радостей, запрещают ему общение с товарищами, хождение в клуб, приобщение к политической или общественной жизни и пр.

Во всех этих случаях налицо — заброшенность ребенка, пренебрежение его жизненными интересами, другими словами — беспризорность.

Говоря об эксплоатации детей — все равно, своих ли собственных, или чужих, находящихся в зависимости от взрослых — мы опять-таки упираемся в зловещий мир детской преступности. Ибо преступление, совершаемое ребенком, есть, в конечном счете — ответ на преступление, какое над ним совершили или совершали длительно взрослые. Горечь причиненной — а тем более, хронически причинявшейся — ребенку обиды, несправедливости или зла накапливается в чутком сердечке, рождая тайную пока жажду протеста и с течением времени дает реакцию, проявляясь в виде преступного акта, вообще социально-опасного деяния.

Наилучшим и надежнейшим путем борьбы против таких деяний является, конечно, путь профилактики (предупреждения), который всегда имеет преимущества перед лечением бедствия, уже проявившегося. Для того же, чтобы предотвратить детские „преступления“, самым верным способом служит именно устранение эксплоатации детей, их угнетения, нарушения их жизненных интересов. Другими словами, мы здесь снова подходим к проблеме борьбы с беспризорностью детей и подростков.

В дальнейшем, в главе о мерах борьбы с беспризорностью в Советской России, мы увидим, как государство, в качестве верховного опекуна всех вообще детей, ограничивает в нужных случаях права родителей в отношении детей или даже вовсе отнимает эти права, если родители осуществляют их во вред детям. Теперь же мы можем перейти к следующим двум важнейшим видам беспризорности, именно, к социальному паразитизму и моральной отсталости (или недостаточности).

Что касается паразитизма, то-есть, конкретно говоря, нищенства и бродяжничества, то оба эти вида беспризорности

имеют широчайшее распространение и теснейшим образом связаны с бытом улицы.

Если бродяжничество в немалом числе случаев вызывается, в известной мере, индивидуальными причинами, то нищенство есть проявление, прежде всего, социальной неурядицы и, в первую очередь, все той же нищеты. Бродяжничество иногда отвечает романтической настроенности мальчика-подростка (у девочек очень редко), преимущественно в переломном возрасте 12—14 лет и старше. В этих случаях оно либо остается все же в пределах душевной нормы, либо даже прямо служит выражением некоторого болезненного уклона, неспособности подростка втиснуть себя в размеренные рамки общежития.

Так, в известном Рукавишниковском приюте в Москве (ныне наибольший в Москве детский дом имени Калининой) был в 1912 г. воспитанник, который, чувствуя непреодолимое желание к побегу, попросил запереть его на замок в карцере. Он добровольно просидел под запором 55 дней, потом нашел, что уже совладал с своей несчастной тягой к побегу, вышел на волю, к товарищам — и через неделю все-таки убежал.

Такие случаи болезненной склонности к бродяжничеству встречаются, конечно, как исключение, вообще же маленькие бродяжки, это — беспризорные, которых на бродяжничество, вообще на уличную жизнь, толкнула, большей частью, необходимость, или соблазн, или дурные примеры товарищей. „Дома не сладко было“ — вот обычное заявление бродяжек. Либо мачеха била смертным боем, либо пьяный отец колотил „под самую душу“, либо голодно было и холодно, либо гнали на тяжелую работу опять-таки на побои, вообще жестокое обращение, где-нибудь у сапожника или в трактире.

Если бывшая у нас одно время в моде идеализация взрослого босяка заключает в себе много фальшивого, то маленький босяк и бродяжка разлагаются социально уже очень скоро. Прежде всего, он теряет — если успел раньше приобрести — всякие социальные навыки, всякое чувство социального единства, солидарности и ответственности перед другими членами общежития. Бродяжничество и тунеядство, бездельничество и лень идут всегда рука об руку. От этого бродяга-подросток уже очень скоро становится анти-общественным, или, по меньшей мере, вне-общественным существом, которое очень трудно поддается перевоспитанию.

Поскольку же бродяга не может жить „святым духом“, а зарабатывать не умеет, да и не хочет, состояние это неизбежно связано либо с попрошайничеством, либо просто с воровством. Попрошайничество же, естественно, убивает в подростке последние остатки ценной человеческой личности, именно, самоуважение, чувство собственного достоинства.

Можно сказать даже так: мальчик, рано начавший карьеру нищего и пробывший на ней уже несколько лет — человек конченный: максимум, на что можно рассчитывать в результате тяжелой и планомерной педагогической работы — это отучить его от прямых преступлений (краж и пр.), но сколько-нибудь поднять и развить его личность — на это надеяться трудно. Скорее можно ожидать хороших результатов от рецидивиста-правонарушителя, чем от привыкшего пресмыкаться перед деньгами, унижаться перед всяким встречным юнца, как это привыкает делать маленький нищий.

Как бродяжничество, так и нищенство неминуемо связаны, с одной стороны, с отвращением к труду, а с другой — с нарушением законов общежития. При исследовании итальянца Ферриани на материале 2.000 правонарушителей до 20-летнего возраста, оказалось, что больше половины их (1.112) были совершенно ленивы, 545 — „полуленивы“, 232 — „не любят труда“ и только 79 трудолюбивы. Это не значит, конечно, что все юные правонарушители из бродяг, или хотя бы большинство их, отличаются флегматичным характером, неподвижностью, и пр., — даже напротив, но вся их подвижность, вся готовность к деятельности направлена в сторону от нормального, социально допустимого труда.

Во всяком случае, это можно утверждать об отношении бродяги или нищего к труду регулярному: максимум, к чему он еще может, в крайний момент, себя принудить — это взять случайную работу, точнее — однократную обязанность: поднести что-нибудь, оказать маленькую услугу и пр.

Среди уличных занятий детей сравнительно легкую форму нищенства представляет собой собирание подаяния в качестве, так сказать, подсобного промысла; при этом малолетний продолжает жить с своими родителями или воспитателями и занимается нищенством только как бы попутно, в дополнение к обычным своим занятиям или к школе. В этом случае оно имеет в своей основе лень, или распущенность, или

желание добывать деньги на сладости, а также, нередко, и прямое приказание или требование старших.

Самая безнадежная, в социальном смысле, группа юных нищих — это, конечно, нищие-профессионалы. Нередко они состоят членами настоящих нищенских, с участием взрослых, артелей, и тут уже самая грань между паразитизмом и преступностью совершенно стирается: первое зачастую служит для второй простой ширмой (см. у П. И. Люблинского, цитированное сочинение).

После Октябрьского переворота нищенство навеки, казалось, исчезло с улиц и перекрестков наших больших городов. Тысячи открывшихся повсюду детских домов и домов-коммун, бесплатное питание для детей и снабжение их, привлечение родителей к ответственности за допущение своих детей к нищенству и бродяжничанию — вся вообще обширная практика в деле охраны ребенка, заполнившая первые годы революции и давшая им такую прекрасную печать человечности и широты, совершенно покончила, как будто бы, с детьми, просившими подаяния и особенно знаменательно это было в тяжелые годы всеобщего полуголодного существования.

Но наступили годы голода, наполнившие, как мы уже знаем, новыми толпами маленьких нищих, голодных беженцев, не только улицы приволжских городов, но и многие узловые станции на скорбном пути этой армии голодных.

С течением времени, когда голод остался позади и общее экономическое положение стало выравниваться, нищенство все же не исчезло, как можно было надеяться в первые годы революции, а, напротив, возродилось снова на улицах больших городов. Вместе с поворотом в сторону новых хозяйственных отношений, с возрождением частной промышленности и торговли, воскресли и те экономические предпосылки, которые обычно ведут детей на паперть, на перекресток с протянутой рукой. И количество дел о нищенстве малолетних в петроградской комиссии о несовершеннолетних снова резко выросло. По сравнению с 1915 г. нищенство детей в Петрограде увеличилось в 1920 г. в 7 раз, в 1921 г. в 5 раз и в 1922 г. в 4 раза.

Мы подошли, таким образом, вплотную к последней крупной категории форм беспризорности, именно, к социальной

недостаточности и прямой нравственной отсталости. Это — одна из самых разрушительных форм беспризорности, в ней заложены семена той опасности вырождения целого поколения — поколения войны, потрясений революции, эпидемий и голода, которая стоит сейчас перед нашим детством.

Иногда моральное разложение личности ребенка идет, как уже вскользь было упомянуто, прямо из недр семьи: жестокое обращение с ним взрослых, вообще злоупотребление своей властью, или психическое давление на ребенка, то или иное резкое нарушение его интересов нередко выражается в прямом вовлечении ребенка в преступление. В этих случаях только формальный, бессердечный закон мог бы осудить ребенка: в действительности он является здесь не суб'ектом правонарушения, а, скорее, об'ектом, жертвой и орудием его.

Моральная обстановка, разумеется, вполне соответствует характеру обращения с физической личностью ребенка — за исключением тех случаев, когда родители, или вообще взрослые, от которых зависит ребенок, слишком дорожат извлекаемыми из него выгодами для того, чтобы подвергать его побоям или лишениям. К числу этих последних случаев относятся такие, где взрослые извлекают выгоду из занятия малолетней проституцией, из нищенствования и прямых краж, совершаемых детьми, или просто из их хорошо оплачиваемого профессионального труда.

В практике разного рода обществ защиты детей от жестокого обращения во всех странах зарегистрированы тысячи случаев систематического истязания детей, надругательства над их личностью. В 1913 г. обществом правовой охраны малолетних в Петербурге было опубликовано о 752 случаях жестокого обращения с детьми. Картина развернулась поистине кошмарная: тут была целая серия эротоманок, отцов-изнасилователей, мастеров, измывающихся над мальчиками, отданными к ним в ученье, и пр.

Очень знаменательно при этом, что вся эта скорбная статистика почерпнута вовсе не исключительно из быта подонков общества, из невежественной, обездоленной и спившейся нищеты столицы. Напротив, „среди зарегистрированных истязателей детей были: преподаватель гимназии, артист оперной труппы, священник, три католических ксендза, штабс-

капитан, жена полицмейстера, провизор, учитель пения, жена поручика, хорист, много чиновников“ [1]).

Из числа этих истязателей целых 12,4% падало на представителей интеллигентных профессий. В 89,8% жестокое обращение имело характер физического насилия, при чем в 96,2% последнее носило даже систематический характер.

Но это уже редкие, исключительные по жестокости случаи, доходящие даже до ушей суда или общественного контроля. В подавляющем же большинстве случаев происходит медленное, постепенное, без громких криков истязуемых, отравление юных душ горечью и злобой, загрязнение их сознания, искажение и искалечение всей их личности.

Относящиеся сюда данные из практики детских судов и различных общественных организаций почти целиком ограничиваются эпохой дореволюционной. Каково же положение вопроса в последние годы?

Если судить об этом по практике комиссий по делам о несовершеннолетних, то можно подумать, что случаи жестокого обращения с детьми наблюдаются сейчас очень редко: дела о них возникают в Москве и Ленинграде в количестве немногих десятков.

Но совершенно ясно, что действительное положение вещей иное, и на деле случаи жестокого обращения — явление весьма и весьма частое даже в наши дни. И прав П. И. Люблинский, когда он об'ясняет ничтожность относящихся сюда цифр в статистике комиссий просто тем, что наши комиссии весьма мало обращают внимания на эту сторону своей работы.

Показателем развращающего влияния взрослых на нравственность детей в смысле вовлечения их в преступность служит довольно значительный процент дел, где малолетние соучаствуют в преступлении со взрослыми: во всех этих случаях малолетние являются орудием в руках взрослых. По довоенным московским данным, среди обитателей ночлежных домов около четвертой части детей нищенствовали вместе со взрослыми, отдельно же среди девочек этот процент доходил даже до трех четвертей.

Весьма видную роль в происхождении „социальной отсталости“ или „социальной недостаточности“ детей играет

---

[1]) См. мою работу „Детская преступность и детский суд“. Изд. „Октябрь“ 1923 г.

моральный облик родителей, в частности, момент воровства и момент пьянства. Из сводки (за 1913 г.) Рукавишниковского приюта в Москве видно, что 13% родителей приютских питомцев не имели определенных занятий, а 10—20% имели прямое уголовное прошлое. Нередко родители учили детей фиктивным кражам для того, чтобы их приняли в приют. Что же касается влияния алкоголизма, то оно отмечено почти у двух третей родителей питомцев приюта.

Роль алкоголизма в детской преступности, как и в общей, также настолько велика, что на ней стоит еще немного остановиться. Так, в том же Рукавишниковском приюте в годы 1900—1909 сильно пьющие отцы воспитанников составляли 54%, сильно пьющие матери—13%. Среди умерших отцов пьющие составляли 44%, пьющие матери—38%.

Такое разрушительное влияние пьянства родителей на моральную обстановку, в которой живут дети, не может, разумеется, удивлять нас: пьянство так глубоко деморализует главу семьи и так сильно при том расшатывает нормальный семейный уклад и достаток семьи, что это сразу же тягчайшим образом отзывается на ребенке. Заброшенность, всякого рода физические лишения, беззащитность—в этих условиях особенно легко становятся уделом ребенка.

Что пьянство родителей толкает ребенка на улицу, а также учит и его самого пьянству, понятно само собой. Из числа 105 подростков, бывших воспитанников Рукавишниковского приюта, 53 сами выпивали и 75 курили.

Кроме того, влияние опьянения на беспризорность и преступность выражается—как и в статистике общей преступности—в следующем любопытном обстоятельстве: на наиболее „пьяные" три дня в неделю, субботу (день „получки"), воскресенье и понедельник (дни выпивки и „похмелья") приходится, по крайней мере, в полтора раза больше преступлений подростков, чем на остальные четыре дня недели.

Наиболее опасную форму „социальной недостаточности" представляет собой, конечно, столкновение с уголовным законом правонарушения.

Взгляды на детскую преступность с начала текущего столетия совершенно изменились. Раньше на нее смотрели такими же глазами, как и на преступность взрослых, и детей-„преступников" наказывали теми же мерами уголовной кары,

что и взрослых, только смягчая эти кары количественно. Детей судили в общих судах и по общему правилу отвешивали им ту или иную „дозу“ возмездия.

До второй половины девятнадцатого века не существовало даже каких-либо исправительно-воспитательных заведений и учреждений, и дети как по приговорам судов, так и в административном порядке попадали в общие камеры с взрослыми преступниками — отпетыми ворами-профессионалами, отчаянными головорезами, убийцами и вообще наиболее разложившимися морально элементами общества.

Уже одна процедура общего суда была для нежной, не „обмозоленной“ души ребенка тяжелой психической раной, пребывание же в общей камере тюрьмы окончательно губило его. За подробностями по этому вопросу отсылаю интересующихся к уже упоминавшейся другой моей работе „Детская преступность и детский суд“, но кое-что для нашей темы о беспризорности здесь придется прибавить к сказанному.

В новейшее время в детской „преступности“ видят именно форму беспризорности, крайнее выражение ее, и потому не наказывать юного правонарушителя старается современный детский „суд“ — комиссия о несовершеннолетних в Советской России — а „учить, лечить и кормить“; вот триединая формула, лежащая в основе разумной „профилактики преступности“, предупреждения ее.

Рядом с этим стоит, очевидно, и забота о том, чтобы совершивший проступок ребенок или подросток не смешивался с глубоко зашедшей нравственной недостаточностью и испорченностью взрослых преступников, и для этого он тщательно оберегается от общения с ними как в самом процессе разбора дела, так и в дальнейшем, при отбывании наказания.

В принципе же всякое вообще наказание — в обычном смысле этого слова — вообще отрицается в применении к юному правонарушителю: в основу кладется перевоспитание, приемы медико-педагогического воздействия.

Но фактически, в силу целого ряда об'ективных причин и, прежде всего, слабости наличного медико-педагогического аппарата (воспитательных учреждений специального, да и общего типа), приходится в известных случаях — строго оговоренных в законе — мириться с применением к детям и подросткам начал наказания.

Не исключена в отдельных случаях и изоляция, лишение свободы подростка на определенный, недолгий срок, с обеспечением всех необходимых медико-педагогических гарантий. Одной из самых существенных гарантий этого рода является именно разобщенность с взрослыми правонарушителями, во избежание той психической заразы, какая в таких случаях неизбежна.

Влияние общей тюрьмы на подростка ужасающее. Не имея возможности, за краткостью места, обосновывать последующее цифрами, мы вынуждены просто привести итоги наблюдений и статистических обследований.

Они свидетельствуют, прежде всего, о чрезвычайной частоте рецидивов среди подростков, прошедших тюрьму. Тюрьма поистине является для них „высшей школой" преступности, „академией", где вырабатывается законченный преступник.

Войдя туда несчастным, задерганным жизнью ребенком, случайно совершившим, обычно с голоду, какую-нибудь мелкую кражу, например, фунта хлеба с лотка, он через несколько месяцев, а то и недель, покидает „гостеприимные" стены тюрьмы уже хулиганом, изучившим все приемы ускользания от милиции, весь словарь воровского языка, арсенал похабнейшей ругани, всю мерзость и запустение „дна" большого города.

Под влиянием взрослых преступников он научается ценить только успех, только ловкое наживание шальных денег, только хищнические таланты и стремления. Уважение к нормальной трудовой жизни, к закону и суду утрачивается совершенно, единственной заповедью становится — „не попадайся", единственной целью — обогащение и безделье.

На половую жизнь подростка тюрьма кладет вдвойне разрушительную печать. В громадном большинстве случаев подросток в тюрьме становится жертвой половых извращений взрослых — на тюремном жаргоне такие мальчики называются „голец", „шкет" или даже нежным именем цветка — „маргаритка". Бывают случаи, когда дети за одну ночь многократно подвергаются половым истязаниям со стороны взрослых заключенных, и к нравственному разложению, к изуродованию всей половой жизни ребенка присоединяется тяжелый телесный вред, и иногда непоправимое расстройство здоровья.

Что же касается девочек, то для них пребывание в общей, хотя бы и женской только, камере тюрьмы в обществе взрослых проституток, воровок и пр. неминуемо оканчивается превращением их в проституток.

Даже кратковременное пребывание — сутки, двое — в номере милицейского участка, вместе с задержанными хулиганами, пьяницами и ворами, не проходит для девочек бесследно в этом смысле.

Нет нужды добавлять, что развращение детей обоего пола связано почти всегда с заражением венерическими болезнями, что опять-таки влечет за собой самые неблагоприятные последствия как для их телесного бытия, так и для психики, для нравственного здоровья.

Поэтому работники современных комиссий о несовершеннолетних (сокращенно „компонес") всеми силами отстаивают необходимость создания особых реформаториев, т.-е. учреждений полувоспитательного, полутюремного типа, или, в крайнем случае, особых для несовершеннолетних отделений в тюрьмах, которые бы полностью изолировали их от общения с взрослыми преступниками. Ибо — считаем нужным подчеркнуть это еще раз — нет детей преступников, есть лишь дети больные, заброшенные и беспризорные.

Даже тяжелые правонарушения подростков, при ближайшем знакомстве с условиями их жизни, оказываются зачастую последствием и прямым выражением беспризорности, вообще дурной обстановки, в которой живет подросток.

В однодневной газете „Спасайте детей", изданной комитетом „Недели беспризорного и больного ребенка в Москве" (апрель 1923 г.) С. Копелянская приводит несколько ярких иллюстраций к этому.

Девочка 15 лет. Обвиняется в соучастии в сожжении собственного новорожденного младенца. Преступление кошмарное и с первого взгляда у многих готов вывод: девочка эта — преступница, выродок, ее нужно предать каре, изоляции...

В действительности же картина такая: мать умерла, детей 7 человек. Отец в пьяном виде изнасиловал ее, 14-летнюю девочку, и после изнасилования продолжал жить с нею. Когда она, после родов, лежала в беспамятстве, отец, сам принимавший ребенка, сжег его. Девочке вначале „было все

равно", потом жалела... Когда встала, выгребла золу из печки и постирала золой белье...

Другой случай не менее ужасен. Родители 5-летней девочки обвиняли 16-летнего мальчика, сына соседей (рядом в комнате живут) в растлении ребенка. Милиция, явившись для ареста подростка, нашла „преступника" совершенно голым. Оказалось, что у него и двух младших его братьев, 12 и 13 лет, совершенно нет одежды, и они поэтому не ходят даже в школу.

Факт „баловства" с ребенком — не растления! — был установлен. Но можно ли удивляться этому? Дети оставались целые дни не только без занятий и присмотра, но даже без одежды. Предоставленные самим себе, лишенные разумных развлечений и отвлекающих впечатлений совершенно раздетые, запертые вместе мальчики и девочки занимаются нездоровыми „играми" — разве могло все это в таких условиях кончиться иначе?

По сравнительно старой статистике, французской и английской, 40% юных правонарушителей беспризорные, 10% — дети преступников, столько же детей нищих, бродяг и проституток. Из 8.006 подростков во французских местах заключения 60% родились вне брака, в том числе 38% от бродяг и проституток.

По итальянским данным Ферриани, на 2.000 юных правонарушителей только 148 никогда не знали нужды [1]).

По русским данным, из более обеспеченных слоев выходят не более 2 — 4% юных правонарушителей; при оценке этой цифры надо, впрочем, иметь в виду, что правонарушители из обеспеченных слоев чаще из бедноты, оставляются для исправления в семье и потому не входят в статистику ни детских домов, ни арестных помещений.

---

[1]) Обнищание масс в истекающей кровью Германии зашло так далеко, что проституция детей в больших городах принимает чудовищные размеры. В Берлине существуют даже специальные „валютные" публичные дома с девочками проститутками, продающимися за большие деньги. Дома обслуживают исключительно „высоко-валютных" иностранцев, которые впились в тело несчастной страны и пьют ее кровь.

Половая развращенность даже школьной молодежи, распространение среди нее венерических болезней так возросли, что у немецких педагогов руки опускаются в бессилии.

Связь между правонарушениями подростков и их социальным составом не только непосредственная, но и прямая, причинная, что и понятно, раз социально-экономические условия являются, в конечном счете, основным фактором беспризорности детей и правонарушений, ими совершаемых.

Из относящихся сюда фактов, установленных статистически, особенно важно отметить следующие: 1) как беспризорность, так и правонарушения детей особенно высоки среди тех отраслей труда, которые менее всего доступны фабричному надзору и охране труда, а именно, в ремесле, домашней промышленности и сельском хозяйстве; 2) среди юных правонарушителей рецидивисты, т. е. совершающие правонарушения повторно, лишь в ничтожном проценте случаев являются детьми преступных элементов, в большинстве же случаев это — дети рабочих и крестьян; это обстоятельство лишний раз подчеркивает властное влияние экономических и социальных факторов на происхождение беспризорности и правонарушений (Е. С. Лившиц).

Социальный характер детских правонарушений сказывается уже в том факте, что до 70%, а по другим данным даже до 80% их, составляют кражи и вообще имущественные правонарушения. В противоположность этому, преступления против личности нередко обуславливаются факторами биологическими, например, наследственными влияниями, в виде прямых психопатических состояний или предрасположений к ним [1]).

Впрочем, во всей детской преступности в целом биологический фактор также играет заметную роль, именно, в пункте возрастного состава юных правонарушителей. Большинство малолетних, привлекающихся к ответственности, оказывается в возрасте от 14 — 16 лет, то-есть в периоде, переходном от детства к юности, когда формируется характер и определяется нравственный облик человека.

Этот возраст особенно благоприятствует конфликтам с законом прежде всего потому, что он совпадает с наиболее энергичным обменом веществ, связанным (у мальчиков)

---

[1]) По советской статистике 1923 г., около 54% всех правонарушений несовершеннолетних, прошедших через компанес, падает на кражи.

с половым созреванием (у девочек оно начинается, как известно, раньше) и с наибольшей потребностью организма в пище. Потребность эта у мужской молодежи гораздо настоятельнее, чем у женской: вот еще одна подробность в сравнительной картине имущественных правонарушений среди молодежи женской и мужской.

Тесную связь между ранним трудом и правонарушениями отмечают все исследователи вопроса как на Западе, так и у нас в России. Отметим, например, нашу советскую статистику за 1921 год, согласно которой из каждых ста привлеченных комиссией о несовершеннолетних начали работать:

Возраст	Мальчики	Возраст	Девочки
До 10 лет	21,8	До 10 лет	13,4
От 10—14 лет	44,9	От 10—14 лет	39,0
„ 14—16 „	23,5	„ 14—16 „	30,5
„ 16—17 „	9,8	„ 16—17 „	17,1
	100,0		100,0

Отсюда видно, что из работавших подростков наибольший процент правонарушений дают те, которые в возрасте от 10 до 14 лет посвятили свои силы не занятиям в школе, а труду на рынках, в мастерских, у хозяина и т. д. (В. И. Куфаев). Для этой категории юных работников среда представляет больше соблазнов, чем для детей - школьников той же возрастной группы.

Говоря о правонарушениях подростков и о беспризорности вообще, нельзя не отметить также влияния образования, в частности грамотности. По русским данным 1910 г. (отчет петербургского детского суда), 57% малолетних получили образование ниже начального, 32% начальное, 5% выше начального и 5% были вовсе неграмотны. Совсем неграмотных в этой сводке неожиданно мало, но это потому, что речь идет о Петербурге, крупном культурном центре. Однако, и здесь связь между правонарушениями и уровнем грамотности явственная.

Образованию здесь принадлежит не только цивилизующая роль, но и роль признака известной зажиточности, некоторого достатка семьи, а значит, и некоторой степени надзора,

надлежащего воспитания. Не сам по себе, значит, уровень образования имеет значение в происхождении преступности: наличием или отсутствием его характеризуются лишь степень беспризорности подростка, степень пренебрежения его интересами.

Поэтому в тех странах, где начальное образование имеет принудительный характер, является обязательным, там показательное значение грамотности детей, в смысле беспризорности их, постепенно утрачивается.

Раз растет — и притом повсеместно, а вовсе не только у нас в России — детская беспризорность, то повсеместно же должна расти, очевидно, и так называемая преступность детей, которая, как мы знаем, есть лишь крайнее выражение этой беспризорности. И действительно во всех странах мы наблюдаем резкое, вызывающее серьезную тревогу по своему быстрому темпу, увеличение детской преступности.

Больше всего в этом направлении повлияла война с ее массовым отливом отцов на фронты, вовлечением матерей во вне-домашний труд, что повело к падению надзора за детьми, далее — ранний промышленный труд детей вследствие расстройства, внесенного в промышленность Европы военными потрясениями и кризисами.

Не может не быть учтен также и фактор психологический. Одним из очень печальных последствий войны явилось то огрубение понятий, та распоясанность инстинктов разрушения, жадности и пр., какие были внесены в умы и сердца миллионов, и прежде всего, в умы и сердца детей, более податливые, внушаемые и непосредственные, чем у взрослых.

Огрубляюще подействовала война на весь облик „военного“ и „послевоенного“ ребенка, который теперь, превратившись в подростка, обнаруживает сильную деградацию (понижение) нравственного чувства. Уже с первых лет и даже месяцев войны ее огрубляющее влияние стало сказываться на игрушках детей, на придумываемых ими играх, на детском способе говорить, на излюбленных ими героях и литературе.

В России систематически отравляли сознание детей „подвигами“ Кузьмы Крючкова и подобных „патриотов“, убивших наибольшее количество немцев; такое „патриотическое“ развращение планомерно производилось во всех странах,

и даже не только в воевавших, но и нейтральных. Мысль об убийстве, о пролитии крови прививалась с кровожадных столбцов газет, представление о ценности человеческой жизни утрачивалось и сознательно втаптывалось на каждом шагу в грязь.

И — что здесь всего существеннее — все это делалось не во имя высокой идеи, не в борьбе за освобождение человечества, как в последующие годы революции, а во имя собственничества, национального соперничества, хищнических инстинктов, жажды угнетать другие народы.

Лишь в одной Англии, благодаря широкому и планомерному законодательству о детях, хотя и в рамках буржуазного строя, удалось перед войной добиться значительного и устойчивого падения преступности детей в течение ряда лет, но и там этот оздоровительный процесс был искажен и задержан полосой войны. В других странах падение детской преступности удерживалось в течение лишь короткого времени и носило, таким образом, неустойчивый, ненадежный характер.

Что до России, то наша статистика в этом отношении разделяет судьбу всех других стран Европы. Наш рост детских правонарушений был даже еще круче и стремительнее, чем всюду. Не отягощая изложения сухими таблицами — интересующийся найдет их у В. Куфаева [1]), в уже упоминавшихся выше работах П. Люблинского, и моей — укажем только на одну выразительную цифру: число задержанных органами милиции и розыска несовершеннолетних (по Республике) составило в первой четверти 1920 года 6% общего числа задержанных по Республике, в первой четверти 1921 года оно составило 8% общего количества, и наконец, в первую четверть 1922 года — уже 10% общего числа задержанных.

Возрастало, таким образом, не только абсолютное количество правонарушений, совершенных малолетними и подростками, но и относительное, по сравнению с ростом правонарушений взрослых. Иначе говоря, детская преступность обгоняла преступность общую.

---

[1]) В. И. Куфаев — „Юные правонарушители", изд. „Новая Москва", М. 1924 год.

Этот печальный факт наблюдался у нас еще и до войны. В нем заключается серьезная угроза для нравственного здоровья нашего подрастающего поколения, для всего населения страны. Известно, ведь, что большинство взрослых преступников (по некоторым подсчетам — даже до трех четвертей) начинают свою уголовную карьеру еще в детстве или отрочестве; поэтому упорный, из года в год, и быстрый рост детских правонарушений есть, действительно, тревожный показатель, великая опасность для общества в целом.

Годы гражданской войны с ее блокадой, эпидемии, полоса голода, всеобщая хозяйственная разруха и скудость еще более, конечно, ускорили рост детской „преступности", и только со второй половины 1922 г., а еще более с началом 1923 г., когда стало возрождаться хозяйство страны, начинается в этом смысле поворот к лучшему, напряженность детских правонарушений начинает ослабевать.

Впрочем, если количественно и наблюдается улучшение, то тяжесть уголовных преступлений, серьезность правонарушений держится и теперь еще на одном уровне. Да и количественная сторона дела еще не успела проявиться достаточно отчетливо и главное, с достаточной устойчивостью и в широком, повсеместном масштабе.

По аналогии с детской дефективностью мы можем явления и следствия беспризорности также рассматривать с трех различных сторон: с точки зрения телесного, умственного и нравственного благополучия и здоровья подростков. До сих пор мы подчеркивали, главным образом, деморализующее влияние беспризорности (и улицы) на общий облик ребенка, в частности на его социальные инстинкты, влечения и навыки. Теперь мы дополним картину, остановившись на телесном и умственном развитии беспризорных детей и подростков.

Группу подростков, занятых в разного рода уличном труде, а также влияние разного рода соблазнов улицы — мы покуда оставляем в стороне, а имеем в виду телесное и умственное развитие в условиях беспризорности вообще.

Что касается пренебрежения к интересам детского организма ребенка, его физической беспризорности, то примеры этому мы видим на каждом шагу.

Самые резкие, в этом смысле, случаи когда родители по небрежности — а иногда даже и с преступной преднамеренностью — оставляют ребенка в опасном для его жизни или здоровьи положении. Отсюда нередкие в деревенской России случаи, когда маленькие дети оказываются жертвой огня, или попадают в колодезь, или тонут в пруде, или даже становятся жертвой укуса собаки, прожорливости свиньи и прочее.

В менее редких случая речь идет о разного рода заболеваниях детей, происходящих по вине небрежных, или преступных, или неумелых родителей, вообще старших. Громадную роль здесь играет, понятно, и обстановка — зависящая от материальных условий, жизни ребенка — например, вынужденная жилищная скученность, скудное питание ребенка, муки голода и холода, недостаточная одежда и т. д. — все вообще лишения материального порядка, которые ребенок обречен терпеть вместе и наравне со взрослыми.

В эту категорию, все значение которой в смысле предопределения будущей судьбы ребенка ясно самой собой, входит не только прямое нарушение правил физического воспитания ребенка, пренебрежение требованиями гигиены, но и недостаточное внимание к развитию физического мира подростка, недостаток заботы о доступности для него спортивных упражнений.

В круг надлежащего воспитания ребенка входит не только забота об устранении всего того, что вредит его здоровью, но и обеспечение его тем, что необходимо для наилучшего, наиполнейшего развития его сил, укрепления его мышц и проч. Лишение ребенка этой стороны физического воспитания есть тоже, в сущности, один из видов беспризорности.

Другими словами, в понятие физической, так сказать, беспризорности современные взгляды включают также факты пренебрежения к физической культуре ребенка.

Если все же понятие о том, что полезно и что вредно для здоровья ребенка, не может вызывать особых разногласий, то в области умственного и нравственного благополучия требования, пред'являемые к развитию подростающего поколения чрезвычайно разнообразны, и здесь установить об'ем беспризорности в точных границах почти немыслимо.

Минимум заботы, конечно, легко установить: он сводится к обеспечению ребенку возможности нормального умственного развития в области общего, и в подлежащих случаях, профессионального или художественного образования. Но уже в вопросе о пределах этого образования возможны разногласия.

Еще труднее установить норму обязательного, так сказать, внимания к общему духовному развитию ребенка, например, в области развития его эстетических вкусов, в области прививки ему интереса к чтению, выбора для него надлежащих книг и других источников умственного обогащения [1]).

Еще более расплывчаты и неуловимы истинные границы заботы о нравственном благополучии ребенка, и, соответственно этому, еще бóльший открывается здесь простор для разногласий. Вот почему наш закон прямо отказывается от попытки исчерпать до дна понятие беспризорности и ограничивается общими определениями. В круг обязанностей Отдела правовой защиты несовершеннолетних были включены при его организации, „охрана и защита прав несовершеннолетних в самом широком слысле этого слова и борьба с нарушением интересов несовершеннолетних".

Употребление рядом слов „охрана и защита" имеет ввиду, по выражению М. Гернета, подчеркнуть, что речь идет не только о пассивной роли *стража*, но, и об активной, боевой роли *защитника* прав несовершеннолетнего.

Выше мы несколько раз подчеркивали обилие разногласий в сфере обеспечения умственного и нравственного благополучия детей. В революционные эпохи, какова наша, эти разногласия имеют исключительно важное значение.

---

[1]) Интересны результаты обследования 7.116 карточек о детях, поступивших в московские приюты (1896 г.): 472 ребенка знали только свои имена, не зная своих фамилий, а 72 не знали даже своих имен. Это значит, что 544 детей из указанного числа почти, наверное, превратились в круглых сирот.

Об умственной отсталости детей, занятых ранним промышленным трудом, находим потрясающие страницы у Маркса и Энгельса, особенно в „Положении рабочего класса в Англии" Энгельса. См. также мою работу „Гигиена труда подростка" (издание „Современной проблемы", Москва, 1923 год).

На смену поколению, действующему ныне и живущему почти целиком — в его старшей по возрасту части — в условиях дореволюционного быта, идет новое поколение, на которое история возлагает еще неизмеримо бóльшие задачи, чем на поколение ныне действующее, чем на поколение тех, кто прямо пережил революции и так или иначе в ней участвовал.

Нынешним подросткам предстоит в будущем взять на свои, еще не окрепшие сейчас плечи бремя перестройки всей жизни, которая теперь почти во всем сохраняет формы старые, дореволюционные. Созидание нового мира потребует громадного напряжения всех сил этой молодежи — сил и телесных, и нервно-психических.

Понадобится громадный резерв научных знаний, профессиональных навыков, практических умений, выдержки, трудовой и умственной дисциплины — и для того, чтобы все это оказалось под силу этой молодежи, необходимо во что бы то ни стало „Спасти детей" — как озаглавлена страстная, волнующая небольшая книжка М. Фрумкиной (М. 1923 г.). Спасти не только от телесной гибели, но и от умственного одичания, от косности старой среды, от принижающего и развращающего мещанства, от плесени обывательщины.

Поэтому глубокие, серьезные недочеты в умственном и вообще духовном воспитании детей — поскольку они зависят не только от материальной нужды, но и от залежей старых взглядов, от упорной живучести прошлого — представляют собой очень тяжелую опасность для здорового развития наших детей, для нормальной их подготовки к тому великому будущему, которое их ожидает.

II.

Дети улицы и дети на улице. — Уличные занятия и уличный труд подростков. — Положение за рубежом и у нас. — Законодательство об уличных занятиях детей.

Улица — арена действий не только беспризорного подростка-паразита — юного вора, малолетней проститутки, нищенки или бродяги, но и малолетнего труженика, несущего тяжелые, часто изнурительные, трудовые обязанности. Таким образом, рядом с подростком улицы мы должны теперь присмотреться ближе к подростку на улице.

Уличный труд подростка весьма разнообразен.

Со времени войны, впервые, можно сказать, внесшей в жизнь русского города газетную сенсацию и повышенный интерес к газете, появились в большом количестве малолетние газетчики, которые вместе с уличными торговцами остаются наиболее многочисленной группой занятых на улицах городов детей. У нас среди уличных торговцев-детей, преобладают торговцы папиросами и яблоками, семечками и кренделями, шоколадом и всякой мелочью.

Далее идут чистильщики сапог, торговцы цветами (у под'ездов театров) и программами (возле театров, бегов и пр.). К уличной же торговле относится занятие детей в торговле фруктами с лотков, ларьков и рундуков, на рынках и прочее.

Наконец, дети играют на разных инструментах — замаскированный вид нищенства — дежурят в очередях, разносят небольшие грузы, выполняют мелкие поручения, перевозят вещи пассажиров на тележках (у вокзалов) и проч. Все это — виды труда, занятий и личных услуг, что, в общей сложности, создает очень своеобразный трудовой быт подростка на улице.

Влияние уличного труда на ребенка и подростка самое отрицательное. Если ранний труд вообще отрицательно влияет и на организм ребенка и на его нервнопсихическое здоровье, и на весь его духовный облик, то уличные занятия стоят

в этом отношении на первом месте, что лучше всего сказывается на влиянии уличного труда на правонарушения подростков.

Из всех профессий наиболее способствуют преступным актам — кражам, мошенничеству, вообще имущественным, в первую очередь правонарушениям — именно все виды уличного труда, в частности, как показывает статистика, на первом месте в этом отношении стоят занятия газетчика и уличная торговля в разнос, на втором месте — служба в ресторанах и других заведениях этого рода, служба домашней прислуги.

Вред от уличных занятий троякий; как и при разборе беспризорности детей на улице, мы рассмотрим здесь влияние уличного труда на телесный, умственный и нравственный облик подростков.

Уже самому здоровью подростка постоянное пребывание на улице грозит серьезной опасностью. Как рассмотренные выше нищенство и бродяжничество, так и уличные занятия— напр., работа газетчика и, особенно, уличная торговля — подтачивают физические силы подростка.

Рабочий день непомерно длинен, он проходит летом под палящими лучами солнца, осенью — в сырости и на пронизывающем ветре, зимой — на морозе. Плохая одежда и обувь, скудное, обычно всухомятку, питание — все это создает благоприятную среду для расстройства желудочно-кишечной деятельности, для болезней дыхательной системы, для малокровия, озноблений, упадка питания и других болезненных расстройств.

Кроме того, вынужденное положение тела подростка — стояние в течене ряда часов на ногах или, напротив, большая беготня и ходьба — при торговле с рундука на базаре или при разноске товаров — создают также вредные влияния на кровообращение в нижних конечностях, иногда приводят к образованию плоской стопы, к расширению вен на голени с последующим образованием язв, заживающих с большим трудом. Плоская стопа не только ослабляет эластичность, пружинистость походки, но и вызывает сильные боли при ходьбе, ускоряет утомляемость и уменьшает таким образом работоспособность человека на всю жизнь.

К факторам, дурно отзывающимся и на телесном здоровьи, и вообще на благополучии ребенка, относится нерегулярный

образ жизни, отвычка от размеренного, правильного строя дня, склонность к курению (отравление никотином), раннее начало половой жизни с его постоянным спутником в виде угрозы заражения венерической болезнью.

Наконец, длинные жаркие дни летом ведут к чрезмерному потреблению сырой воды, всякого рода подозрительных фруктовых вод и лимонадов и мороженого, разной недоброкачественной снеди и лакомств и — что всего хуже — очень часто приводит к потреблению пива и вообще спиртных напитков.

Уличная торговля в зимние холода почти вынуждает к согреванию тела с помощью алкоголя, а общение с разного рода темными лицами, какими кишит рынок в большом городе, да и вообще улица, часто делает занятого на улице подростка данником другой, еще более страшной, чем пьянство болезни, именно, наркомании. Впрочем, об этом мы скажем подробнее в главе о соблазнах улицы.

Переходим к умственному облику занятого на улице подростка.

Что его образование, по крайней мере систематическое образование, терпит сильнейший ущерб, чаще же прерывается совершенно — это ясно само собой. Газета, которую тычет прохожим маленький газетчик, и та остается им не прочитанной, да он бы ее и не понял: его интересуют только заголовки, сенсация, да и то исключительно как приманка для покупателя. Выкрикивая последние известия, важнейшие события дня, быть может, наносящие новый тяжкий удар старому миру, он не интересуется всем этим, чужд всему происходящему. Нередко он даже придумывает эти сенсации, привлекая к своему товару, и с важнейшими мировыми событиями и именами привыкает жонглировать с циничным безразличием.

У газетчиков скоро вырабатывается та своеобразная бойкость, хлесткость языка, развязность манер, какие свойственны вертлявым приказчикам где-нибудь в Гостинном Дворе, но за этой бойкостью нет ни умственных интересов, ни развития: душа отравляется цинизмом, опустошается отсутствием всякой умственной работы.

Но профессия газетчика не связана, по крайней мере, с прямой порчей нравов, с взращиванием дурных навыков,

тогда как уличная торговля непосредственно развращает подростка. Заповедь о том, что „не обманешь — не продашь“, старание „всучить“ покупателю какую-нибудь дрянь и заваль, содрать в три-дорога, обмануть, об'егорить становится единственной нормой в обиходе малолетнего уличного торговца.

Его день не просто заполнен поисками заработка — он состоит в систематическом обмане, а то и в нищенстве — иногда уличная торговля и есть замаскированное, ради безопасности, нищенство.

Если же речь идет об услугах личного характера, оказываемых на улице — как, впрочем, и к личным услугам вообще — то тут, помимо тех же дурных влияний на здоровье подростка, надо учитывать еще и растлевающее влияние попрошайничества, унизительность просьбы „на чаек“, „прибавить бы надо“ и пр. Пение разных „Соловьев“ или „Яблочка“, с которыми подрости раз'езжают в пригородных поездах железных дорог, или игра на музыкальных инструментах уже в почти открытой форме являются нищенством, разновидностью паразитизма.

Разбитной тон и самоуверенность, благодаря которым подросток, что называется, за словом в карман не полезет, имеют, очевидно, очень мало общего с истинным умственным развитием, о нормальном же нравственном развитии в этой обстановке уже и говорить нечего.

Уличный малолетний торговец привыкает прямо противопоставлять себя нормальному порядку общежития, представителем и стражем которого является милиционер. Как только последний показывается вдали, ближайший к нему малолетний торговец — они со своими лотками, ради безопасности, стоят обыкновенно целыми группами — бросается опрометью, захватывая с собой товар, почти так же поспешно, как и от „шарашиков“, о которых упоминалось в начале очерка.

В прежние годы, до революции, уличную торговлю детей преследовали разве только с точки зрения невыборки патента на право торговли, и малолетние торговцы, завидев городового, убегали во всю мочь, или же за недорогую плату — обыкновенно товаром же — покупали его благосклонность. Преследовалась также торговля в неразрешенных местах, или превращение разносной торговли в торговлю на одном месте.

В годы революции вместе со всякой вообще частной торговлей была запрещена, конечно, и торговля, производимая детьми, которая, подобно всякой торговле, рассматривалась как спекуляция. С нею боролись очень решительно — не столько, впрочем, мерами милиции, вообще административными, сколько мерами социальной охраны.

С возрождением, в условиях новой экономической политики, частной торговли, а с нею и спекуляции — явления эти в новых условиях вернулись к своему раздельному бытию и стали оцениваться различно. Торговля стала терпимой, а с этим вместе власти стали равнодушно относиться к уличной торговле детей.

Если вообще трудно провести грань между торговлей и спекуляцией, то в отношении ребенка уж наверное такой грани не найти. Во всяком случае торговля, хотя бы и свободная от признаков спекуляции — весьма мало подходящее занятие для раннего возраста ребенка или подростка. Уличную же торговлю можно признать прямо недопустимой, по заключающимся в ней „профессиональным вредностям“ физического и нравственного порядка, для детей, не достигших, положим, 16-летнего возраста.

Именно такой минимальный возрастный предел у нас и установлен для выдачи разрешений и патентов на право торговли, но правило это нарушается на глазах у всех очень часто. Равнодушно относится к этому милиция, да и что могли бы сделать голые административные репрессии? Штрафы, отбирание подписок у родителей ни к чему не приводят.

Кроме того, вопрос о борьбе с уличными занятиями детей захватывает их насущные материальные интересы, а зачастую и не их одних, но и семей. В одних случаях заработок, приносимый подростком „с улицы“ — существенная доля в общем бюджете семьи, в другом это — единственный источник существования самого подростка, если он одинокий, беспризорный, сирота.

При этих условиях лишить его возможности продавать его жалкие яблоки или пряники, значит обречь его либо на голодную смерть, либо на выпрашивание подачек, либо наконец, на воровство. Какое зло меньше, ясно само собой.

Особенно часто дети обрекаются на уличную торговлю в семьях, где в живых только мать. Иногда сами матери

не торгуют, чтобы в случае задержания, не подвергнуться большей ответственности, а посылают торговать детей.

Интересно, между прочим, отметить немалую роль подростков и детей, в качестве подручных, в производстве самогона, которое в последние годы получило столь большое развитие. При этом, в отличие от других видов правонарушений, среди детей, привлекаемых к ответственности за приготовление и (главным образом) сбыт самогона, сироты как раз составляют небольшой процент: в Москве, например, из каждой сотни детей, привлекаемых по такого рода делам, сироты составляют только 11,5%, имеющие только отца — 3,8%, только мать — 50% и обоих родителей — 34,6%.

Такое резкое преобладание детей не-сирот об'ясняется, повидимому, тем, что для производства и сбыта самогона требуются орудия производства и умение, чего у сирот не бывает.

В эпоху донэповскую, когда строго преследовалась, вместе со всякой торговлей-спекуляцией и детская уличная торговля, попытки снимать подростков с этого занятия часто делались на местах органами Соцвоса, затем всякого рода добровольными организациями женотделов, Комсомола и пр. Наряду со снятием с работ подростков, занятых в промышленности вопреки законам о труде, стали снимать и уличных торговцев. Кое-где на местах власти издавали также строгие распоряжения против этих малолетних торговцев, куда входила, между прочим, конфискация их товара.

Результаты всех этих мер были, вообще говоря, отрицательные. Как в сфере промышленного труда, так и в сфере уличных занятий поспешили отказаться от слишком огульного, прямолинейного следования принципу. Охраняя снимаемого с фабрики подростка, избавляли его, правда, от вредных последствий раннего промышленного труда, но в то же время обрекали на еще худшие, еще горшие последствия безработицы, и в итоге от этой меры для подростка получался существенный ущерб вместо пользы.

Точно также и с слишком прямолинейным запрещением уличной торговли детей. Оно имеет ценность и даст желательные плоды лишь при том условии, если Соцвос располагает достаточным аппаратом для оказания подростку реальной помощи.

Покуда в распоряжении Соцвоса или вообще в данном городе нет достаточного числа мест в детских домах и в других учреждениях социального воспитания, пока нет возможности обеспечить подростку хоть некоторый минимум социальной поддержки, приходится лучше мириться с неблагоприятными влияниями уличной торговли, чем толкать подростка на еще худшие бедствия вроде нищенства, краж или проституции.

Мы уже знаем, что в последний нэповский период революции, когда преследование частной торговли было уничтожено, к детским уличным занятиям — не только торговым, но и всяким другим — милиция, да и органы Соцвоса также относятся равнодушно, смотрят на них сквозь пальцы. Если изредка дело об этом доходит до комиссии о несовершеннолетних, то она — и подросток заранее прекрасно знает это — ограничивается внушением, так наз. „канителью“ на языке клиентов комиссии, после чего отпускает его с миром — разумеется, на новые уличные подвиги и труды.

Опять-таки, и комиссия совершенно бессильна здесь что-либо сделать: какого-нибудь общественно-опасного деяния привлеченный к ответственности подросток, с точки зрения действующих сегодня законов, не совершил, а для медико-педагогического воздействия, которое только и уместно в данном случае, для изменения образа жизни подростка у комиссии обыкновенно нет никаких средств.

Какое малое место борьба с уличной торговлей детей занимает в деятельности нынешних комиссий, видно из следующей справки: в Петроградской комиссии о несовершеннолетних в 1918 г., когда только начиналась борьба со спекуляцией вообще, дела о детской спекуляции составляли лишь менее 3% всех имущественных дел о несовершеннолетних, в 1920 г., в период особенного усиления борьбы со спекуляцией процент этот достиг своей максимальной величины, именно 25%, в следующем, 1921 г., он равнялся уже только 14%, а в отчете за 1922 г. эти дела отдельно и вовсе уже не упоминаются: они фигурируют под рубрикой „дел о нарушении правил торговли“.

Вместе с тем развращающее ребенка действие раннего занятия уличной торговлей, несомненно, по данным Московской комиссии о несовершеннолетних, у большинства юных правонарушителей 16 — 17 л. первый толчок

к правонарушениям был дан их занятием уличной торговлей в возрасте 11 — 13 лет.

Работающие на улице подростки умножаются в числе на наших глазах. Полная ярких и жутких картин книга детского судьи Левитского („Суд для малолетних в Киеве". Киев. 1915) рисует следующую картину быта маленьких газетчиков, которых во время войны расплодилось в одном Киеве до 1.000.

„Значительность заработка газетчика позволяет ему совершенно порвать всякие связи с домом, проводить время по притонам и ночлежкам за игрой в карты или в кости, в обществе „котов", пропойц и хулиганов"... „Широко организовано снабжение малолетних газетчиков различными темными личностями, под ужасающие проценты, оборотным капиталом и содержание ими специальных притонов, где малолетние проигрывают не только весь заработок, но и последнюю одежду".

„Прыгающие по трамваям и базарам, быстро привыкающие к мелким обманам, азартной игре и дурной компании, газетчики в Киеве являются главным контингентом, из которого комплектуются ряды наиболее трудно поддающихся воспитательно-исправительному воздействию порочных малолетних карманщиков. При первоначальном опросе, за весьма редкими исключениями, уличенные в похищении из кармана или из ридикюля малолетние на вопрос о занятиях неизменно отвечали: „раньше торговал газетами".

Анализ относящихся сюда дел Московской комиссии приводит к заключению, что обычно дело происходит таким образом: занятие уличной торговлей, которая была и остается важнейшей формой уличного труда подростков, начинается с 13 — 14-ти-летнего возраста, в возрасте 14 — 16 лет подростки уже переходят к праздношатанию и бродяжничеству, а в 16 — 17 лет к кражам и другим имущественным преступлениям.

Заимствуем из работы П. Люблинского „Законодательная охрана труда детей и подростков" несколько данных о мерах регламентации уличных занятий детей и подростков в разных странах.

Особое внимание этому вопросу уделяется в Англии и в Америке. В Англии специальная комиссия еще в 1890 г.

обнаружила 144.000 мальчиков и 34.000 девочек школьного возраста, занятых уличным промысловым трудом в остающееся от школьных занятий время. Учитывались только дети занятые регулярным, а не случайным, наемным трудом. При этом свыше 39.000 детей оказалось в возрасте ниже 10 лет. Главными занятиями детей были: продажа и разноска газет, уличная торговля разными предметами, разноска товаров по квартирам (последняя группа включала почти половину всего числа детей) и пр.

Из обследованных детей около 100.000 были заняты до 20 часов в неделю, 37.000 — от 20 — 40 часов в неделю, и 2.390 детей свыше 40 часов, причем до 800 работало 50 — 60 недельных часов. Неудивительно, если успешность школьных занятий при этом была слабая: несколько сот детей не имели никакого образования, а почти половина общего числа детей закончила едва половину школьного обучения, обязательного, как минимум общего образования в Англии.

В результате работ комиссии в 1903 году был издан закон о правилах, регулирующих уличные занятия малолетних. К таким занятиям не допускаются мальчики до 11 лет, в отношении же девочек признано нежелательным допущение их к таким занятиям даже до 16-летнего возраста. Не допускается детский труд на улицах с 9 ч. вечера до 6 ч. утра, а также поручение им к переноске слишком тяжелых грузов или вообще работ, которые могут повредить их здоровью, физическому развитию и воспитанию. Вместе с тем местным властям закон рекомендовал издавать обязательные постановления, в качестве дополнительных к закону правил. Ответственность за нарушение закона возложена была на родителей или опекунов.

Интересно заключение одной, более поздней, английской комиссии о вредных последствиях уличных занятий для детей.

„Юный уличный торговец подвержен весьма многим тяжким нравственным опасностям, он общается с уличным сбродом и приобретает привычки завсегдатаев улицы. Если он продавец спичек — он подвержен опасности стать нищенствующим, если он продавец газет — опасности стать игроком: доказательства того, как часто продавцы вечерних газет сами становятся держателями пари, слишком многочисленны.

Имеются несомненные указания на то, что, по крайней мере в больших центрах, уличная торговля порождает неспособность или нежелание заняться более регулярным трудом: в несколько лет ребенок научается тому, чтобы зарабатывать себе много денег без особого труда, без всякой подготовки и без всякого искусства: эти занятия развивают у него сноровку, не затрагивая его ума. Они не создают ему прочного положения и не обещают ему ничего в его трудовой деятельности".

Далее комиссия в полном соответствии с тем, что уже изложено выше, высказывается об ущербе, какой наносится уличным трудом школьным занятиям, о том, какие специальные опасности (в половом отношении) такой труд представляет для девочек: „для девочки уличная торговля есть первый шаг к разврату"; „соблазн велик и дети практически беззащитны". С физической стороны также отмечается специальный вред для девочек, проистекающий от долгого нахождения их на улице в дурную погоду и в недостаточно теплой одежде.

Вполне здоровую меру представляет собой воспрещение детям торговли табаком и папиросами, проведенное в Англии еще в знаменитом „Акте о детях" 1908 г., называемом „Великой хартией детей". Предполагалось в „Акт" внести даже наказание для малолетних за курение на улицах, но затем от этого отказались, а взамен ввели конфискацию табачного и папиросного товара у малолетних торговцев.

Для нас такая мера имела бы особенно важное значение: как известно, курение, вследствие упадка народного питания, в последние годы страшно распространилось среди нашей молодежи. Курят у нас все, старухи и молодые девушки, подростки и малые дети — и нетрудно видеть, какой серьезный ущерб для народного здоровья, и для того же уровня питания представляет эта поголовная страсть.

Между тем, у нас не только не ведут борьбы с курением детей и подростков, но как бы даже поощряют это: нередки случаи, когда табачные государственные тресты набирают для торговли своими товарами именно детей. Бывали даже (в 1922 г.) отдельные уродливые случаи, когда делегатам с'ездов молодежи (например, РКСМ) выдавали определенное количество папирос.

Возвращаясь к борьбе с уличной торговлей детей за рубежом, отметим изданную в Америке в 1922 г. Национальным комитетом по охране детского труда брошюру, где, между прочим, говорится: „Прошло уже время, когда маленький мальчик, продающий на улице газеты, рассматривался, как оказывающий поддержку своей матери-вдове“.

Действительно, мы бесконечно далеко отошли от такого сантиментального представления: ничего „умилительного“ в такой картине нет для современного взгляда. Напротив, даже ярко буржуазным американским экономистам и политикам становится все яснее, какое социальное бедствие представляет собой ранний труд детей вообще, ранний уличный труд детей в частности и в особенности.

Уличный труд — и детей, и взрослых — протекает в таких условиях, которые делают его трудно уловимым для органов надзора и охраны труда. Труд рабочих в мастерской, на фабрике, на заводе гораздо легче поддается регулировке в смысле его обстановки, продолжительности и других условий; по самой сути вещей труд на улице есть труд рассеянный в пространстве и во времени, лишенный центра, распыленный.

И Национальный комитет детского труда, о котором только что было упомянуто, констатирует грубейшие нарушения правил о труде малолетних в этой области. Так, в торговле овощами и фруктами, которой заняты, в помощь своим родителям, тысячи детей (между прочим, и у нас в России) работа часто затягивается, особенно в „сезон“ фруктов, до позднего вечера, вопреки всем правилам о воспрещении ночного труда для детей.

Точно также малолетний газетчик встает в 4 — 5 часов утра, особенно летом: он обслуживает пригородные дачные местности и спешит на ранний поезд.

Настоящую „профессиональную вредность“ представляют собой именно условия работы газетчика. Сюда входят: простаивание долгими часами с экстренными выпусками газет возле театров или у вокзалов, иногда до поздней ночи; работа по воскресеньям, постоянное нервное напряжение, чтобы быстрее продать газету, выкрикивание, цепляние за вагоны трамвая, близкое знакомство с улицей, холод и дождь.

Из обследованных в г. Мичигане 1.800 газетчиков 13% не достигли еще 10 лет, а 60% были в возрасте от 10 — 13 лет.

После нескольких часов утреннего труда многие из них, усталые, направлялись еще в школу. Такое положение вещей тем более преступно, что, как выяснено тем же обследованием, значительное большинство мальчиков-газетчиков — по крайней мере, в американском опыте — имело в живых обоих родителей, а по уровню зажиточности от 79 — 83% в целом ряде крупных американских городов (Чикаго, Цинцинати, Балтимора, Мильвоки) принадлежало к нормальным семьям, не очень нуждающимся.

Таким образом, фактор нужды здесь не играет такой большой роли, которая бы оправдывала раннее калечение детей трудом на улицах и площадях больших городов.

Умственную отсталость, как результат уличных занятий детей, отмечают и американские наблюдатели, подобно английским. Недавнее обследование в Цинцинати показало, что почти половина всех мальчиков газетчиков являются отсталыми в школе по сравнению с общем уровнем школьников. Американцы усиленно подчеркивают также бесплодность уличных занятий для последующей трудовой карьеры подростка.

Прибавим к этому, что столь популярные в публике биографии миллиардеров, которые неизменно начинали свой путь к богатству чистильщиками сапог, продавцами газет или уличными разносчиками в раннем возрасте, нисколько не колеблют, конечно, этого постоянного и массового факта: уличная торговля не подготовляет подростка ни к какому производительному и обеспечивающему подростка труду.

С увеличением возраста и заработка подростка увеличиваются и его потребности, для удовлетворения которых заработка не хватает, а между тем, время для основательной подготовки к какой-нибудь серьезной профессии уже упущено: и силы надорваны (малокровие, простудные болезни), и память потеряла свою остроту, и, главное, утрачено уважение к регулярному труду, привычка к терпеливым усилиям, способность к трудовой выдержке.

Законодательная регламентация уличного труда подростков возникла в Америке очень поздно и только в 1922 г. дело это получило значительное развитие. В большинстве штатов детский уличный труд допускается в возрасте не ниже 14 — 15 лет, а для девочек от 16 и даже 18 лет. Установлена максимальная длина рабочего дня, безусловно воспрещена

вечерняя и ночная уличная торговля, а дополнительное посещение школы признано обязательным.

Состоявшаяся в 1919 г. в Вашингтоне конференция по охране детства признала желательным воспретить уличную торговлю в возрасте до 18 лет, а для девушек в некоторых случаях (разноска на дом писем и телеграмм) даже до 21 года: последнее — в целях ограждения ее половой чести от посягательств, которые (у женщин-письмоносцев) в глухих местностях наблюдаются нередко.

Не входя в подробности о положении вопроса в других странах, скажем еще несколько слов о желательной системе мер, направленных к оздоровлению детских уличных занятий.

Из всего сказанного выше следует, что, строго говоря, уличные занятия и уличный труд детей должны быть вовсе запрещены, но голыми репрессиями, одними только запретительными мерами, конечно, не достичь многого. Нет достаточного числа агентов — инспекции труда, детской социальной инспекции, милиции, — которые следили бы за осуществлением запрета. Кроме того, во многих случаях прямолинейный запрет, как мы уже видели, способен принести гораздо более вреда, чем пользы.

Поэтому борьба с уличными занятиями детей должна вестись постепенно, а не сразу, и на ближайшее время невозможно обойтись без регламентации детского труда на улицах.

Отрицательная сторона регламентации здесь, как и в других областях законодательства, состоит в том, что она легализует явление, по существу недопустимое, признает, в известных рамках, его существование, вместо того, чтобы целиком его отвергнуть. Но, с другой стороны, регламентация в данной области облегчит борьбу с чрезмерной эксплоатацией детей в уличном труде и будет, таким образом, делать то же самое дело, какое ставит себе задачей законодательство об охране детского труда вообще.

Если это последнее мирится, хотя и скрепя сердце с применением детского труда во вредных для ребенка профессиях, стараясь лишь ослабить, по возможности, этот вред путем нормирования продолжительности рабочего дня, увеличения перерывов в работе, разного рода профилактических мер и пр., то соответственные предохранительные меры должны быть внесены и в область применения детского труда на улице.

Разумеется, основным положением должно быть принято при этом, что детский уличный труд — это не столько правонарушение, сколько форма беспризорности, и значит, бороться с ним следует, в первую очередь, мерами социальной помощи.

Уличные занятия подростков приходится временно допустить, но на определенных в законе условиях, которые регулируют и количество работы, и характер ее (недопустимость безнравственных работ, работы ночью и пр.). Совсем же уничтожить детский уличный труд, станет возможным тогда, когда удастся одолеть детскую беспризорность, если не целиком, то хотя бы в ее более резких, крайних формах, к которым, принадлежит, среди других, и детский уличный труд.

В России законодательная охрана уличного труда подростков была, да и остается, в сущности, зачаточной. Она сводится к запрещению выдачи патентов на право торговли подросткам моложе 16 лет, то-есть относится только к области уличной торговли, да и то запрещение это фактически соблюдается не строго.

В отношении же всех остальных видов уличных занятий специальных законодательных норм не существует, и вопросы регламентируются органами правовой охраны от случая к случаю, с точки зрения общих интересов детства, а также норм законодательной охраны детского труда вообще. Так, например, запрещение ночных занятий детей и подростков на улице, каковы торговля цветами, или вечерними газетами, или программами спектаклей возле театров, подразумевается само само собой, раз вообще запрещена ночная работа детей и подростков.

Точно так же работа подростков в учреждениях азарта (игорные клубы и пр.) оказывается запретной уже в силу своего ночного характера.

Но несомненно, что жизнь здесь требует и специальных норм, напр., в целях ограждения детей от соблазна пьянства и курения, вообще для ограждения их от уличных занятий, по самой сути своей вредно влияющих на телесное и моральное здоровье ребенка.

III

Дети и соблазн улицы. — Кино. — Наркотики (кокаин). — Детская проституция.

В короткой по числу прожитых лет, но такой бесконечно богатой по обилию, яркости и пестроте событий истории Советской России была полоса — первые годы революции — когда улицы наших больших городов резко изменились: на них легла печать эпохи, серьезная, суровая, почи аскетическая. И говорить о соблазнах тогдашней улицы, улицы Петрограда или Москвы 1919 или 1920 г., было невозможно.

Но с переходом к новым хозяйственным отношениям, с возрождением частной торговли и промышленности, вообще частной инициативы эта суровая однотонность наших улиц исчезла, и на сцену снова выступили, понемногу нащупывая почву, все атрибуты современной улицы, все ее краски и голоса, искушения и обманы.

Сегодняшний Кузнецкий мост или Невский внешне возвратились к своему дореволюционному облику — по крайней мере, в том, что создает блеск и разнообразие, и притягательную силу большого города. Умопомрачительные предметы роскоши в витринах магазинов, драгоценности у ювелиров, приветливые или раздражающие огни ресторанов, кафе, пивных, бесчисленных кабаре, кинематографов — все это дразнит, волнует, призывает подростка, все это возбуждает в нем желания, будоражит воображение, усыпляет волю.

На неподкованную психику подростка, тем более беспризорного, предоставленного самому себе, все это обилие раздражающих впечатлений действует буквально ошеломляюще. Противопоставить напору столь чарующих по внешности вещей и зрелищ ему нечего, и он становится рабом всей этой суеты, старается жить в один тон с бульварами, с культурой кафе и кинематографов.

На все эти заманчивые вещи нужны деньги — ничего кроме денег — и они становятся единственным богом уличного подростка, единственной на земле целью, к которой стоит стремиться.

Вид заманчивой выставки в гастрономическом магазине освещенные под'езды кафе, нагло-зазывательные афиши кинотеатров родят в подростке преждевременные желания, которых он не может удовлетворить — отсюда напряженная погоня за деньгами, готовность пойти на все, любой ценой стать полноправным членом в кутящей, беззаботной, такой увлекательной с виду жизни бульварного завсегдатая и жуира. Единственным средством быть „на высоте“ требований, пред'являемых улицей к карману подростка, служит обман, надувательство, мошенничество, если не прямая и откровенная кража.

Отсюда — открытая и торная дорога к первому преступлению, а аппетит, по французской поговорке, „приходит во время еды“. Каждая следующая кража совершается — при отсутствии у органов правовой охраны детей средств реальной борьбы и реальной помощи — гораздо легче предыдущей.

И вот, круг замкнут: улица поглотила ребенка, жертву беспризорности и нужды.

Она заманила его фальшивым блеском своих огней, околдовала сладким ядом своих искушений и выбросила вон, как ветошь, как мусор, в мрак тюремной камеры, откуда для подростка редко, очень редко возможен возврат к честной трудовой жизни.

Нередко дело кончается именно так — уголовщиной. Но это уже исключение, крайние пределы, в большинстве же случаев подросток развращается и уродуется улицей систематически, но незаметно, исподволь, без болезненных толчков и конфликтов с законом. Подросток вырастает во взрослого человека, выкарабкивается из тины улицы на твердый берег какой-нибудь профессии и кое-как начинает „жить“ — если только этим словом можно назвать жалкое обывательское прозябание, низменное сколачивание денег, исповедание заповедей убогого мещанства.

С точки зрения укрепления революции да и просто с точки зрения духовного здоровья общества, гораздо опаснее именно это взрощенное и унавоженное улицей поколение мещан, чем отдельные правонарушители, хотя первые прямых уголовных преступлений не совершают, на открытые столкновения с законом не покушаются.

Но страшна и опасна всякому живому дыханию, всякому революционному строительству та живучая, цепкая, упрямая сила, какая таится в ограниченности этих мещан, в их неподвижности, в их тупом преклонении перед вчерашним днем и страхе перед новизной и смелостью мысли.

Разряженная толпа нэпманов, лихачи, элегантные моторы — все это в темном, неразвитом сознании ребенка улицы питает злобную зависть и разжигает в нем страсть к роскоши, к тому, чтобы „быть как все" и, что еще хуже, с ранних лет узаконяет для него *старый быт*.

И за последние два года русская жизнь то и дело дает яркие примеры ядовитых цветов, вырастающих на этой почве.

Наблюдается, например, своеобразное явление „зеленой семейственности", когда мальчик 15 — 16 лет и девочка 13 — 14 лет основывают настоящую супружескую чету, ячейку семьи в ее типичной мещанской форме. Половые переживания, половая жизнь вообще возникает рано и играет громадную роль в быту уличного подростка, но здесь уже не случайные половые встречи, даже не половые связи, более или менее длительные: это именно брачные союзы, хотя и не оформленные, конечно, регистрацией.

Обычно оба члена супружества заняты каким-нибудь уличным занятием: он — газетчик или занят оказыванием мелких услуг у под'езда популярной и богатой гостиницы, она — торгует папиросами или колбасой на бойком перекрестке или на рынке. Свой „трудовой" день они проводят раздельно, а вечером — чинно, точь в точь „как большие", „как все" наслаждаются заслуженным отдыхом и вкушают удовольствия — конечно, в духе и в стиле улицы, их воспитавшей.

„Муж" и „жена" уже привыкли иметь на руках сравнительно большие деньги, и это их не опьяняет больше. Они отправляются в „свое" кафе или, еще чаще, сначала удовлетворяют свой эстетический голод в кинематографе, а потом заканчивают вечер в кафе, в пивной или в ресторане. Случается, что такие пары, уродливо копирующие формы старой буржуазной семьи, даже не порывают при этом связей со своими родителями и помогают, как добрые дети, старикам-родителям, к которым они относятся, впрочем, с снисходительным чувством собственного превосходства.

Они-то, эти „умудренные“ житейским опытом молодые старики, ясно видят всю непрактичность своих отцов и матерей, которые не поняли, не разгадали тайны приобретения и накопления.

Эти, не знавшие детства и сразу окунувшиеся в быт взрослых мещан, уродцы прекрасно устраивают свои дела, ведут переговоры с нужными им людьми, налаживают свои отношения к домоуправлению — случается, такая чета даже снимает отдельную квартиру, усердно накопляя в ней „обстановочку“.

В общем, это благополучные обыватели, балансирующие на самой грани между дозволенным и преступным, и в прежнем мире они составляли бы его оплот, теперь же мы не можем, конечно, смотреть на подобные явления иначе, как на маленькие крепости, где засел и окопался лютый враг — наше прошлое.

Впрочем, это явление — хотя и показательное, но исключительное. Вообще же, как ясно из всего предшествующего, жизнь уличного подростка, занятого ли уличным трудом или просто околачивающегося на улице, отличается, напротив, крайней беспорядочностью, разбросанностью и отсутствием каких бы то ни было устойчивых, отчетливых форм. Бесформенность — вот постоянный признак, сопровождающий это эфемерное существование: ребенок носится на поверхности улицы, как щепка по мутной воде потока.

То его прибьет ветром к берегу — к какому-нибудь ларьку с копчеными сигами или к торговле старым барахлом на базаре, или сбыту каких-нибудь благотворительных жетонов, то его снова оттолкнет на средину потока, в темные и холодные струи, на волю новых порывов жизненного ветра.

Выше было упомянуто о половой жизни уличного подростка. Обычно она выливается в самые отвратительные формы, вообще присущие современному половому быту большого города. Начинаясь удручающе рано—в 10—12 лет—каждый мальчик и девочка уже приобрели в этом отношении немалый личный опыт — она чаще всего сводится к беглым случайным связям, в которых проституция, не только детская, но и общая, играет господствующую роль.

Ночлеги где-нибудь под мостом, в полуразрушенном доме или в канаве, ночи, проводимые в милиции, темные

„чайные“ с подачей самогона в чайниках, артели грузчиков, где мужчины и женщины спят чуть ли не вповалку и где матерная брань вместе с испарением тел не перестает отравлять воздух — все это в самом раннем возрасте искажает лик любви в глазах уличного ребенка, низводит ее на степень голого спаривания самца и самки.

И половой цинизм, безличность половых связей, вместе с их мрачной тенью — сифилисом — присущи этой среде, типичны для нее.

Впрочем, наблюдаются и как раз противоположные явления. Иное детское сердечко, еще не испакощенное жизнью, еще тоскующее по ласке и привязанности, удовлетворяет свою потребность в чистой и достойной привязанности.

Мальчик, не знавший никогда собственной семьи и ласки матери, вообще не знавший любви там, откуда его выбросило, на улицу, находит здесь, среди своих товарок по улице, нежную подругу, к которой и привязывается всем сердцем. И в течение нескольких недель, а то и месяцев, разыгрывается слишком ранняя, но и страстная любовь, трогательная, но и похожая на гримасу. Тут и ее упрямый, злобный спутник, ревность, иногда доводящая юных любовников до ножа, до склянки с серной кислотой или самоубийства.

Вполне обыденным, „бытовым“ типом Цветного рынка и Сухаревки в Москве, Невского, Лиговки и Александровского рынка в Ленинграде является „кот“, мальчик живущий на средства малолетней проститутки.

В награду за „любовь“ он отбирает у своей подруги все ее заработки, зачастую бьет смертным боем, но зато охраняет ее от преследований и покушений со стороны. Но детской проституции нам придется ниже коснуться отдельно.

Весьма видное место в цепи влияний, формирующих подростка улицы, занимает кинематограф.

Театры живого актера, более или менее художественные, недоступны уличному подростку по цене, да и по содержанию мало понятны ему, не говоря уже о стеснительности требований, пред'являемых там зрителю: необходимость раздеваться, сдавая платье у вешалки, продолжительность спектакля, обязательность соблюдения известной чинности во время спектакля — все это затрудняет непривыкшего ограничивать себя подростка улицы.

То ли дело кино, дешевый, подвижной, неприхотливый, покладистый, куда можно ввалиться в чем попало и почти когда попало, за каких-нибудь полтора часа насмотреться всяких чудес, притом луща во время сеанса, благо темно, семечки, а то и занимаясь в темноте более или менее рискованным флиртом. Известно, что сеансы кино излюбленные места свиданий, а то и мелких краж: пользуясь темнотой, подросток залезает в карман к соседу, или уносит чужую трость, положенную им к себе на колени шапку, сумочку, портфель.

Самое же главное — это, конечно, всеобщность того языка жеста и мимики, на котором говорит „великий немой" кино. Здесь подросток находит удовлетворение своей жажде романтических подвигов, яркой фабулы, смелых и необычайных приключений, вообще той пестроты и красочности, каких лишены его убогие будни.

Улица своей суровой борьбой за существование вырабатывает в нем активность, действенность — и потому кино своей насыщенностью действием ближе ему, чем театр живого актера, „более „умственный", психологический, созерцательный и пассивный.

Другой вопрос, какова та духовная, в частности эстетическая пища, какую дает ему кино.

Вместо того, чтобы взять на себя руководство подростком, направлять его от разлагающих влияний улицы в сторону честного труда—одному только кино, пожалуй, и было бы под силу такое воздействие на ребенка улицы!— вместо этого кино еще глубже топит его в болоте улицы, освещая в его сознании все ее пороки, всю грязь и жадность мещанства.

Общеизвестно, какую ядовитую, в духовном смысле, пищу составляет громадное большинство кинофильм. Они расслабляют волю подростка, усыпляя ее, они разжигают до времени его половые инстинкты картинами, порой чисто порнографическими; они изображают добродетель в виде ограниченного благополучия собственника, возвеличают богатство за счет труда, принижают художественный вкус ребенка, приучая его к слезливой мелодраме, пассивной сентиментальности и грубой, площадной клоунаде.

К великому сожалению даже советская кинопрактика далеко не свободна от упреков в этом смысле: собственная

наша кинопромышленность еще очень бедна, а ввоз из-заграницы, носит, в большинстве своем, именно эти нездоровые черты. Конечно, принимаются меры к недопущению малолетних на особенно неподходящие для детей фильмы, но ведь, пошлость и мещанство, хотя бы и неполучившие резко отталкивающего выражения, характеризуют громадное большинство фильм психологического и авантюрного или детективного (сыщицкого) типа.

Фильмы же художественного, исторического или естествено-научного содержания, во-первых, все еще редки, а во-вторых, часто скучноваты и потому мало привлекают подростков.

Не запрещать надо кинематограф для детей, а бороться с плохим кинематографом с помощью хорошего.

Кинематограф непобедим, да и нет никакой надобности устранять его из жизни подростка, напротив, надо заставить его служить достойным воспитательным целям.

Как глубоко кино внедрился в быт современного города, как глубоко, в частности, он проник в его детскую среду, видно из следующего. В Нью-Иорке средняя суточная посещаемость кино детьми определяется в 100 тысяч. В Иене (Германия) до двух третей школьников города регулярно посещают кинотеатры. В Кельне в 1922 году на каждого ученика высшего класса приходилось в год, в среднем, 34,4 посещения кино. Московская анкета, произведенная А. Заком в 1912 году, показала, что из 1.123 ответивших детей только 610 детей (54,3%), сравнивая книгу и кино, отдали предпочтение книге, и 409 (40,9%) отдали предпочтение кинематографу; 4% оказалось любящих одинаково то и другое.

И автор анкеты, А. Зак (сборник „Дети-преступники", 1912 г.) делает отсюда правильный вывод: „Книга, воспитательница человечества уже в течение тысячи лет, сразу потеряла почти половину своих позиций, занятых победоносным завоевателем".

В книге П. Люблинского „Кинематограф и дети" [1]) приведено много интересных материалов и выборок из типичных

---

[1]) Изд. „Право и жизнь", М. 1925. Его же — „Борьба с преступностью несовершеннолетних".

фильм, развращающих подростков. Так шведский отчет по цензуре кинофильм констатирует, что 70% их решительно не пригодны для подростков, 20% едва терпимы и только 10% могут быть для них рекомендованы.

Делич, изучая беспризорность детей Германии, приводит наудачу следующие сцены из кинофильм, которые посещались детьми в одном крупном кино Германии:

— Ученики бьют розгами своего учителя. — Учительница на коленях просит извинения у учениц своего класса. — Подросток, совершивший кражу, издевается над судьями. — Врач напивается до бесчувствия и совершает всякие комические действия над больными. И т. д. и т. д.

Об области эротической и области ловкого, удачного совершения краж, мошенничеств и убийств, искусного заметания следов преступлений и вообще умения прятать концы в воду от закона — уже и говорить не приходится: эти элементы составляют в фильмах общее правило.

И нисколько не является преувеличением шутка, помещенная в одном немецком юмористическом журнале: мальчик на улице просит у богатого господина милостыню: — „Подайте, барин, Христа ради — я уже целую неделю не был в кинематографе".

Нередки случаи, когда подросток первую кражу совершает для того, чтобы добыть деньги на билет в кино; в дальнейшем это дает повод к новым кражам, уже менее невинным по цели.

Многие авторы свидетельствуют, что кино, помимо всего прочего, является настоящей школой преступности. Иногда преступление, совершаемое подростком, даже является попыткой воспроизвести, по приемам и обстановке, преступление, виденное им на фильме.

Очень часто наблюдается прямое влияние фильмы на правонарушения, особенно в сфере имущественной и эротической, а магдебургский детский судья — правда, уж слишком сгущая краски — полагает даже, что пятая часть подростков, совершая свое первое преступление, делает это, чтобы добыть денег для посещения кино.

Если это и преувеличение, то на предрасположенную к правонарушению натуру беспризорного, особенно уличного подростка „мораль" кино не может не влиять ядовито, растлевающе.

Подросток выносит из кино пренебрежение к здоровым, установленным законами, нормам общежития — и в этом пренебрежении нет, конечно, и следа идейного анархизма, а есть лишь зубоскальство, разнузданность и цинизм.

Специальный вред — а в условиях беспризорности и прямую опасность — может представить частое посещение кино в смысле преждевременного пробуждение половых инстинктов, особенно в переходном возрасте детей. В частности для девочек-подростков эти вечерние многочасовые дразнящие впечатления могут представить серьезную моральную угрозу.

По свидетельству П. И. Люблинского („Кинематограф и дети“), в числе факторов, толкнувших молодую девушку на проституцию, нередко наблюдается или стремление к красивой и легкой жизни, виденной ею на экране, или соблазн по выходе из кинематографа, когда застенчивость девушки притуплена нервным и отчасти сексуальным возбуждением. Опытные сводницы нередко вербуют своих молодых жертв среди одиноких девочек-подростков, усердно посещающих кино.

Сказанное о влиянии кинематографа относится в полной мере к разного рода маленьким театрам сомнительного облика, к кабаре в ресторанах, к танцулькам, приобретающим в последнее время такое угрожающее распространение.

Малолетние во все эти заведения не допускаются, но для юношей и девушек более старшего возраста здесь — источник серьезных опасностей, телесных и духовных. В частности, тяжкий вред наносят танцульки, а также публикуемые в газетах, под скромным именем „уроков танцев“, танцклассы и частные „студии“ танцев, приобревшие столь печальную славу близости к налетчикам.

Не говоря уже о вредности пребывания по нескольку часов подряд, чуть ли не из вечера в вечер, в спертой и потной атмосфере, не говоря о той беспорядочности в образе жизни, какую это вносит в школьную или трудовую жизнь подростка — тут завязываются рискованные знакомства, тут ведется самый беззастенчивый флирт, тут широко тратятся деньги, для приобретения которых приходится быть все менее щепетильным в выборе средств. Для молодых девушек эти танцклассы и танцульки — прямое преддверие проституции.

Заодно будет уместно здесь же сказать несколько слов о нездоровом, „бульварном“ чтении беспризорных.

Вообще беспризорность плохо сочетается с книгой, с умственными интересами, и если в этой среде и появляется книга, то это, очень часто, образец дурного вкуса, пошлости и ограниченности. Это или сонники, или сенсационные, уголовные и порнографические романы, обычно выходящие в виде выпусков.

Настоящей эпидемией такой литературы были годы 1907—1910, и не только у нас, но и на западе. Знаменитые „похождения“ Ника Картера, Шерлока Холмса, Пинкертона и сотни других в этом роде выходили во многих десятках и сотнях выпусков каждое и распространялись в миллионах экземпляров.

Точно одержимые, дети и подростки, и взрослые в складчину покупали эти грязные внутренно и неряшливые внешне выпуски в кричащих обложках, с заманчивыми, зазывательными заглавиями.

Авторы их умели играть на психологии юного читателя: все в брошюре разжигало нездоровое любопытство и каждый выпуск заканчивался на таком интригующем моменте, что подросток готов был украсть денег, лишь бы только купить следующий и еще следующий, и еще следующий выпуски. Издатели играли наверняка: они рассылали начальные серии каждого „романа“ бесплатно на дом, рекламировали свой товар в каждой газете.

В настоящее время роль такой макулатуры среди влияний, формирующих беспризорного, у нас невелика, но отдельные струйки пинкертоновского потока снова пытаются проникнуть в наш быт. В целях борьбы с этим новым нашествием теперь не ограничиваются цензурными ограничениями, а приступают — вполне целесообразно — к созданию другой, идейно приемлемой, литературы авантюр и детектива. Необходимо, в самом деле, озаботиться снабжением нашей молодежи идейно чистой, стилистически грамотной, в то же время занимательной по сюжету литературой, которая бы отвечала потребности молодого ума в увлекательном материале для чтения.

Ибо потребность в таком материале, насыщенном фабулой, подвигами, эксцентричностью и романтизмом, есть и она вполне законна.

К сожалению, успехи наши в этой области пока очень скудны. Не только крупного авантюрного романа, но и рассчитанных на массового читателя маленьких „выпусков“ у нас еще очень мало, а те, какие есть, либо слабы в художественном смысле и сухи, либо идеологически неприемлемы.

В уже упоминавшемся выше отчете гл. тюремного управления за 1911 — 1915 г.г. о привлекавшихся к ответственности несовершеннолетних даны, между прочим, сведения о характере книг, знакомых привлекавшимся несовершеннолетним: 45% их читало именно „Холмса“, „Пинкертона“ и пр.

Действительно ли подобное чтение может быть прямо ответственно за нарушение уголовных законов?

Отрицать возможность психической заразы, идущей со страниц этой уголовной бульварщины, невозможно, как нельзя отрицать уже отмеченной выше „заразительности“ авантюрных и детективных картин кинематографа. Подобная инфекция не в силах, конечно сама по себе сделать ребенка правонарушителем, но рядом с другими воздействиями, несомненно, способна толкнуть ребенка на путь проступка, а то и преступления.

Следующую группу соблазнов, подстерегающих ребенка улицы, составляют наркотики–никотин, алкоголь, кокаин, опий.

Всех невиннее в этой группе отравление никотином, курение, но и к этому виду беспризорности, ибо раннее обращение к курению есть также следствие недостатка надзора и воспитания ребенка, у нас относятся гораздо мягче, чем следовало бы. Не учитывают, прежде всего, разрушающего влияния табака на организм ребенка, в частности на его дыхательный аппарат, и значит, широко раскрывают двери туберкулезу. Курят же городские дети почти поголовно: в мастерской и на перемене в школе, на заседании Комсомола и на улице.

Когда мы видим 10 — 12-летнего газетчика или торговца семечками с папиросой в зубах, ухарски сплевывающим в сторону — „совсем, как большой“ — мы смотрим на это с добродушной усмешкой: ишь, постреленок! Между тем, на курение мальчик вскоре станет тратить насущные гроши, отрывая их от самого необходимого. А затем табак настолько овладеет им, что он для добывания курева не затруднится прибегнуть и к сомнительным способам.

Если серьезен тот физический вред, какой наносится слишком ранним отравлением организма никотином, то не меньшее значение имеет и сопутствующая курению цепь потребностей и привычек. Так, с курением в детском возрасте почти всегда ассоциируется также и раннее пьянство.

Еще гораздо важнее именно раннее потребление спиртных напитков. Опять-таки, мы можем здесь оставить в стороне гибельное влияние алкоголя на неокрепшее физическое здоровье ребенка, но моральное действие его необходимо отметить.

Связь преступности, в частности ранней преступности, с алкоголизмом отчасти была уже подчеркнута выше, но нас интересуют не столько исключительные случаи, какими являются прямые преступления, сколько более медленные, хронические влияния алкоголизма, менее бросающиеся в глаза, но тем более опасные для нравственного здоровья молодежи.

Раннее потребление спиртных напитков прямо калечит весь облик подростка, убивая в нем любовь, привычку и способность к регулярному труду, делая дряблой его волю, низменными его желания, неподвижной и инертной его мысль. Пьянство в ранние годы понижает уровень развития подростка, делает его апатичным, бессильным и неспособным к какой бы то ни было борьбе.

Наконец, общеизвестна глубокая связь между ранним алкоголизмом и преждевременным пробуждением половых инстинктов, их буйным разгулом, их необузданностью и низменностью.

Когда же речь идет даже не о напитках сколько-нибудь сносных и доброкачественных, а о грубо ядовитых суррогатах вроде денатурата, самогона, ханжи, политуры и пр., — а именно ими и отравляется беспризорный подросток, то здесь мы уже вступаем в область не пьянства подростков, а их самоубийства, более или менее быстрого.

Между тем, в наших больших городах, в районе разных темных притонов вроде Цветного бульвара или Домниковки в Москве, Пушкинской улицы или Лиговки в Ленинграде существуют даже тайные притоны специально для детей, где к их услугам вино и пиво, карточный азарт и проститутки, кокаин и опий.

Подростки 14—16 лет приносят сюда поздними вечерами „заработанные“ ими сравнительно большие деньги, и тут

идут ночи напролет настоящие оргии. Содержатели высасывают из своих юных жертв все, что можно, до одежды и сапог включительно. Дети проигрываются в пух и прах, закладывают свою будущую выручку, словом, закабаливают себя до конца.

Картежная игра идет самая азартная, разные „наперстки“, „три листика“ и другие азартные игры распаляют их мозг и разоряют до нитки. Очень часто, особенно по наблюдениям московской печати, среди малолетних газетчиков наблюдается азартная игра на тотализаторе, страсть к бегам, к пари на деньги и пр.

Необходимо поэтому самое беспощадное преследование азарта (особенно уличного), который, в форме разного рода орлянки, пристенка, пуговки и пр., широко распространен на наших базарах.

Часто толчок к азарту дает слишком ответственная должность, занимаемая подростком, если она связана с имением на руках крупных денежных сумм, с денежными поручениями, с доступом к казенным деньгам и пр.

О размерах детского пьянства у нас имеется большая литература, из которой видно, между прочим, что не только в средней и высшей школе, но и в школе начальной алкоголь всегда занимал у нас видное место. Д-р А. М. Коровин, обследовав 22.517 детей, нашел среди них употребляющих спиртные напитки 67,5% мальчиков и 46,2% девочек (данные относятся к довоенному времени).

Что отрава „зеленого змия“ и в наши дни широко захватывает детство, не устает напоминать вся наша пресса. Так, в „Известиях ВЦИК‘а“ Г. Нерадов писал о том, как в деревнях в пьяном угаре дерутся подростки и как взрослые поят самогоном детей, причем детская гримаса отвращения от выпитого яда искренно смешит взрослых, совершенно не понимающих всей преступности своего поведения („Три идола“ 15/II — 1923 г.)

Об опасности самогонщины среди детей писал и народный комиссар здравоохранения Н. Семашко („Надо положить решительный конец“ — „Изв.“ № 46, 1923 г.):

„Самогоном начинают спаивать детей... Самогонщина подкралась теперь к будущему страны, нашему подрастающему поколению... Больше терпеть нельзя“.

Хотя в обоих этих цитатах говорится о деревенской, а не о городской улице, но суть и тут, и там, разумеется, одна и та же: в основе и тут, и там лежит беспризорность детей — сами ли они себя спаивают, или их спаивают другие.

Все более растет, к несчастью, и роль кокаина (отчасти также морфия и опия) среди разрушительных соблазнов современной улицы. Десятки кафе, пивных, ресторанов, маленьких кино-театров, баров, аптекарских магазинов, даже бань и парикмахерских „прирабатывают" сбытом кокаина, и подростки все более становятся данниками этого яда.

„Марафет" или просто „товар" — уличное обозначение заманчивого порошка — становится все более популярным в среде не только явного „дна" большого города, но и ее средних, удерживающихся на поверхности, слоев молодежи. Кокаин еще быстрее берет в плен слабую волю подростка, чем алкоголь, и еще крепче держит ее в своих тисках.

Если длительных и настойчивых усилий, очень редко увенчивающихся успехом, требует лечение привычного пьяницы, то привычного кокаиниста, даже взрослого, можно надеяться вылечить от его пагубной страсти только поместив его на продолжительное время, в специальную лечебницу и круто изменив, таким образом, обстановку и образ его жизни. В отношении же кокаиниста малолетнего шансы на излечение и совсем ничтожны, близки к нулю, а разрушительное влияние кокаина на детский организм и психику вдвойне ужасно.

Раз начав его употреблять, ребенок уже не в состоянии бросить, напротив, вследствие привыкания организма, ему приходится с каждым днем увеличивать дозу, чтобы получить желаемое опьянение. Уже очень скоро резко нарушается равновесие нервной системы ребенка, начинаются головокружения, сердцебиение, шатание и дрожь в ногах и руках, неустойчивая походка.

Как яд преимущественно мозговой (подобно алкоголю), кокаин очень быстро и круто изменяет всю личность своего пленника. Наступает умственный и моральный упадок вместе с физическим истощением, а на фоне хронического отравления кокаином часто возникают и настоящие душевные расстройства.

Мы не говорим уже о других страшных последствиях кокаинизма — в силу дороговизны порошка, подросток обрекается, помимо всего прочего, на крайний упадок питания, сопряженный, к тому же, с сильным упадком аппетита. Кроме того, у хронических кокаинистов уже в молодом возрасте наблюдается глубокий упадок полового влечения и преждевременная половая слабость.

Как велико число малолетних кокаинистов в наших городах, сказать, по понятным причинам, трудно; в сборнике „Здоровые дети — светоч будущего" (Наркомздрав 1923) число их исчисляется сейчас „тысячами".

Не забудем, что каждый кокаинист чувствует обычно потребность привлечь еще кого-нибудь в ряды отравляющихся, а в среде молодежи уговоры товарищей „попробовать" очень легко и часто находят отклик, и зараза эта развивается все шире и шире.

* *
*

На самом крайнем полюсе детской беспризорности находится детская проституция.

О врожденной склонности к проституции, вообще о биологических факторах ее происхождения можно не говорить — они бледнеют, отходят далеко на задний план перед факторами внешней среды — прежде всего, беспризорностью и ее родной сестрой, бедностью. Что это так, видно из следующего: согласно вычислению проф. Елистратова, больше четырех пятых общего числа поднадзорных проституток в России (царских времен) произошли из бедных, нуждающихся семей.

С другой стороны, громадное большинство проституток вступают на путь своего ужасного ремесла именно в раннем возрасте: по данным всероссийского обследования 1889 г., охватившего 17.000 проституток, 80% их обратились к проституции в возрасте моложе 21 года.

Более половины стали проституировать до достижения 18 лет, около четверти попадает в этот омут моложе 16 лет, а 3,6% даже моложе 14 лет и 15% были изнасилованы. Согласно русскому царскому закону, девушка в 16 лет могла даже официально зарегистрироваться в качестве проститутки, „пойти по желтому билету".

По Тарновскому, большинство проституток в России находится в возрасте 15 — 17 лет. Не мало здесь случаев, когда

юная проститутка своим „заработком“ поддерживает судорожно бьющуюся в тисках нужды семью или даже является ее единственным кормильцем, но громадное большинство находится в той или другой степени беспризорности. Это — брошенные или осиротевшие девушки, покинутые любимым человеком, развращенные мачехой или приказчиком в лавке, или „барином“, хозяйским сыном — там, где девушка была прислугой.

Среди домашней прислуги вербуется наибольшая часть— по многим данным, до двух третей — молодой проституции. Впервые совращение девушки происходит обычно путем ухаживания, маленьких подарков с обещанием жениться, устроить ее судьбу и пр., которые затем оказываются, конечно, обманом. И это еще более чистые, более терпимые случаи — совсем нередко подростка, почти девочку просто спаивают, насильно увозят куда-нибудь в уединенное место, а то и просто насилуют.

Соблазненная же, а то и забеременевшая девушка, лишенная, — к тому же, средств, не знающая жизни, наивная и невежественная, не может не покатиться вниз по наклонной плоскости, и конечный пункт на этом пути — торговля своим телом, угарное пьянство, чтобы забыться, и, почти неизбежно, злой сифилис — уже не загорами.

Теснейшая связь между малолетней проституцией и алкоголизмом очевидна. Из опроса 624 русских проституток выяснено, что начало их порочной жизни связано было с опьянением, изнасилование в трех четвертях случаев (по Форелю) послужило толчком к переходу в проститутки. Известна также широкая популярность в среде проституток, в частности малолетних, разного рода наркотиков и особенно, кокаина.

Последняя страсть сближает мир малолетней проституции с миром воров и вообще преступников. Впрочем, интимная связь между малолетней проституцией и правонарушениями общеизвестна. Можно даже утверждать, что каждая юная правонарушительница, особенно рецидивистка, уже имела тот или иной половой опыт, уже познала себя женщиной; среди юных рецидивисток положительно нет целомудренных, сдержанных в половом отношении натур.

Колоссальное значение в деле превращения девочки в проститутку имеет жилищная нужда, скученность, в которой

живет беднота больших городов. Из 100 проституток до 20 лет жили с родителями 13,7%, в собственной квартире — 3,5%, в меблированных комнатах — 33,3%, в углах — 40% и вовсе не имели жилья — 9,5%.

Еще характернее цифры в отношении проституток от 14 — 20 лет:

Жилище проституток	Число случаев проституции в возрасте						
	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет	19 лет	20 лет
Родительский дом	2	13	5	22	25	13	10
Собственная квартира	—	—	—	—	5	9	10
Меблированные комнаты	—	7	11	22	46	70	72
Угол	—	14	22	34	69	60	75
Отсутствие жилища	3	9	11	8	17	9	8

Из этого видно, что в юном возрасте идут в проститутки по меньшей мере, наполовину те, у которых совсем нет жилья или есть только угол, живущие же при родителях составляют в этом отношении ничтожное меньшинство.

По сравнительно старым данным петербургской анкеты д-ра Обозненко, из каждых ста женщин до обращения их к позорному промыслу только шесть жили у родных, а каждая пятая была к моменту опроса круглой сиротой.

Вопиющими фактами о детской проституции, в связи с беспризорностью и жилищной скученностью, полны германские газеты за последние годы.

Многолюдные семьи даже в менее крупных городах нередко живут в одной комнатенке, спят по двое — по трое в одной кровати. Выростая без призора — ибо родители должны целый день работать, чтобы впроголодь кормить семью — дети дают большой процент тайной проституции, и бытового, внеполового сифилиса. Предоставленные самим себе, дети часто предаются половым сношениям, и в германских венерологических больницах все чаще попадаются пациенты 6 — 10 — 12 лет с приобретенным сифилисом или гонорреей.

Германский венеролог Шейнфельд приводит ряд историй болезни детей дошкольного и школьного возраста, заразившихся сифилисом половым путем, причем не взрослые растлевали их, а это проделывалось по собственному почину, незаметно от взрослых, самими же ребятишками в постели, в уборной и т. п.

Все это с полной очевидностью устанавливает преобладающее значение беспризорности в происхождении малолетней и вообще юной проституции (см. С. Каплун, „Женский труд и охрана его". Госиздат. 1921, а также мою работу „Проституция и новая Россия", Тверь, 1923, изд. 2).

В значительной мере малолетние проститутки рекрутируются также в процессе эксплоатации труда детей и подростков. Какой-нибудь предприниматель, инженер, хозяин мастерской, вообще человек, от которого юная работница находится в материальной зависимости, под угрозой увольнения с работы, понижения в должности, задержки жалования, штрафов и пр. морально принуждает ее уступить его мужским настояниям, чем подготовляет почву для дальнейшего приближения ее к проституции.

Всего чаще это происходит в таких морально-опасных профессиях, как труд домашней, ресторанной или трактирной прислуги, труд кельнерши в кафе или пивной и, в значительной части, труд театральный или концертно-хоровой.

Беззащитность юной горничной или няни против натиска сластолюбивых мужчин, от которых зависит ее кусок хлеба, общеизвестна. Еще беспомощнее в этом отношении юная кельнерша, номерантка или хористка где-нибудь на открытой сцене или в оперетте: тут ее специфические женские услуги как бы входят прямо в круг ее служебных обязанностей, подразумеваются, так сказать, сами собой. И для того, чтобы на этой стезе удержаться, не свихнуться, молодая девушка должна быть исключительно стойкой, или же нужно какое-то необыкновенно счастливое стечение обстоятельств. Но и то и другое бывает, как известно, чрезвычайно редко.

В частности, выступление несовершеннолетних девушек, почти детей, на эстраде большей частью является просто формой проституции, почти не замаскированной к тому же.

Столько же из соображений моральных, сколько и в интересах здоровья детей, следовало бы воспретить также

выступления детей в цирках и в других учреждениях подобного рода.

Десятки и сотни тысяч молодых женщин и детей труда, живущих в углах и в „коечно-коморочных“ квартирах, в когтях нужды, занимают, в сущности, общие помещения, иногда разгороженные тоненькими досками или даже занавеской, часто без дверей. Старухи и молодые люди, девушки-подростки, дети и старики скучены вместе. Буйный разгул и любовные ласки, карточная игра, побои, сквернословие и все интимные черты убогого быта проходят здесь перед каждым во все своей наготе.

Естественно, что половая скромность, сдержанность в половых отношениях подтачивается в этой обстановке с юных лет. И если нужда — вообще плохой руководитель, то в соединении с такой обстановкой она может только подготовить близкое падение работницы, атакуемой к тому же натиском мужчины на любом перекрестке, на фабрике, в дешевом театре, в трамвае, в бульварной книге, на ленте кинематографа.

Все ополчается против сдержанности и упорства девушки, все направлено к тому, чтобы сломить ее противодействие, основанное на инстинктивном стыде и боязни последствий, — а государство в капиталистических странах не только не поддерживает ее в этой борьбе, но даже поощряет ее падение, как поощряет всякую эксплоатацию бедности, всякое угнетение труда.

Проституция малолетних особенно стала развиваться и принимать в больших городах грозные размеры со времени европейской войны. Причины этого те же, какие, как мы уже видели, связывают рост всякой вообще беспризорности детей с годами войны. Это — страшный рост сиротства, обострение нужды, ухудшение жилищной обстановки, беженство всякого рода.

Бесконечный поток смертей, ежеминутная близость к гибели мирного населения, опьяняющий запах крови, насилия и разрушения, поощряемые и благословляемые церковью, разбудили дремавшие в сердцах звериные инстинкты, вселили в сердца слабых покорное равнодушие, философию безразличия, апатию по отношению к своей судьбе и к судьбе соседа. Жизнь потеряла значительную часть своей цены — как своя жизнь, так и чужая.

Здесь — психологические корни большей легкости в отношении к беглым половым связям, большей податливости женщин к этим связям. И если велико было развращающее влияние этих лет на половую жизнь взрослых, то детей, втянутых в орбиту событий, они окончательно уродовали.

В результате — потрясающий рост детской проституции и детской преступности, что грозит моральным и телесным одичанием целого поколения, вырождением его [1]).

---

[1]) См. также мои работы „Проституция и новая Россия" (Изд. 2-е „Октябрь", 1923). „К здоровому половому быту" и „Проституция и рабочая молодежь".

IV.

Борьба с беспризорностью и „уличность“ на Западе и в России. — Борьба в Советской России.

История европейской войны, с точки зрения ее влияния на детство, еще не написана, но тяжесть и глубокая болезненность ран, нанесенных войной ребенку, бесспорна и очевидна. Война выдвинула проблему борьбы с детской беспризорностью (и преступностью) на первый план, поставила ее на повестку дня в целом ряде стран, затронутых войной.

На первом месте в этом отношении стоит Германия, которая уже очень рано приступила, помимо профилактических мер вроде пенсий и пособий семьям призванным на войну, помощи сиротам воинов и пр., к широкому применению мер, направленных к отвлечению молодежи от уличного времяпрепровождения: устраивались детские площадки, вечерние классы для чтения и занятий беспризорных детей и проч. Недостаточный из-за отлива отцов на фронт надзор матерей восполнялся назначением особых временных опекунов, каковую роль чаще всего выполняли попечители, состоящие при судах для малолетних.

Для борьбы с бесцельными и вредными тратами получаемого подростком заработка было предоставлено местным властям издавать правила о выдаче заработной платы подростков не им на руки, а родителям и опекунам. Известная часть выдавалась на руки подростку для его личных расходов, а остальное выдавалось названным лицам или, при отсутствии их, вносилось на имя подростка в сберегательную кассу.

Весьма своеобразный характер имеет ряд изданных во время войны в разных пунктах Германии военными генералами приказов и предписаний, имевших целью ослабить размеры и рост детской беспризорности, растущей вместе с войной. Нельзя не признать, вслед за М. Гернетом, что эти формально-обоснованные осадным положением в соответственных местностях, приказы военных властей, преследуя

цели охраны детства, далеко выходили за рамки обычных приказов этого рода. В книге А. Гельвига подвергнута разбору вся эта литература; мы приведем оттуда, цитируя по П. Люблинскому и М. Гернету, сущность главнейших приказов.

Чего только нет здесь! Тут и запрет распространения среди молодежи низкопробной, безнравственной литературы, и трудовая повинность для молодежи, и крутое ограничение посещения разного рода зрелищ, и цензура плакатов и об'явлений в целях борьбы с развращением молодежи, и воспрещение малолетним получать на почте письма до востребования (что ведет обычно к тайным знакомствам и половым связям), и запрет бесцельно скитаться вечером по улицам и общественным местам.

В одних местах боевые генералы запретили азартные игры среди подростков — надо помнить, что речь идет везде здесь о гражданском населении, и притом отнюдь не только в прифронтовой полосе — в других случаях не допускались уличные автоматы для азартной игры; тут воспрещалось допускать малолетних в питейные заведения, запрещалось им распитие крепких вин вне дома и продажа малолетним таких напитков хотя бы для потребления их взрослым — там подросткам запрещалось курение в публичных местах и продажа им табачных изделий.

Другие предписания и приказы воспрещали приобретение подростками и ношение ими оружия, а также продажу им его; третьи запрещали продажу им фейерверков и вообще огнеопасных приспособлений.

Словом, обширная программа, с немецкой методичностью и продуманностью предусматривающая, действительно, все главнейшие источники морального или физического ущерба для детей и подростков.

Оставляя в стороне слишком уж широкое понимание боевыми генералами своих полномочий — в конце-концов важно ведь не то, кто принял данные меры, а в чем они состоят — надо сказать, что если часть этих запретов и обязательных постановлений и страдает излишней детальностью, слишком далеко проникает в обычную мирную жизнь детей, то большинство мер достойны полного сочувствия, и не только даже для исключительной эпохи войны, но и для мирного уклада жизни.

Действительно, в Германии значительная часть педагогов и вообще работников правовой охраны детства высказалась, еще задолго до окончания войны, в том смысле, чтобы многие из этих запретов оставлены были в силе и после войны.

Прибавим еще, что многие авторы этих приказов, военные генералы, сами тут же, во вступлении к приказам об'являли, что они отдают себе полный отчет в относительном значении формальных запретов и приказаний: нужны, прежде всего, меры положительного, созидательного свойства, и, запрещая молодежи одни развлечения, надо заменять их другими, лучшими; удаляя ее от дурного, необходимо предложить ей полезное.

В Англии правительство и общественные организации (они — на первом плане) приступили к борьбе с детской беспризорностью уже в 1915 году. Относящиеся сюда меры имели целью, с одной стороны, усилить семейную заботу о малолетних, а с другой — удержать подростков от морально-опасных влияний вне дома.

К этой последней группе относятся следующие меры, частью только рекомендованные, частью же проведенные в жизнь: устройство специально ночных приютов для подростков до 18 лет с воспрещением допускать их в общие ночлежные дома, воспрещение на улицах и в публичных местах автоматов для азартной игры, ограничения в посещении кинематографов и пр.

Предупредительный характер носит политика юношеских клубов (бой-скаутов, христианских организаций), которые стали принимать участие в работе попечителей при детских судах. В том же направлении стало развиваться и занесенное из Америки движение „Старших братьев" (Big Brothers) — организация, при которой более взрослый юноша берет на себя попечение и присмотр за одним, лишенным призора, „младшим братом".

Во Франции и Италии борьба с факторами детской беспризорности военного времени пошла, главным образом, по линии материального обеспечения опеки над детьми жертвами войны, т. е. детьми, родители которых или заменяющие их лица погибли в сражении, или стали инвалидами. Соответственные законы опубликованы как во Франции, так и в Италии в 1917 г.

Наконец, в России в деле борьбы с детской беспризорностью заметную роль — больше впрочем, идейную, чем практическую — играло общество правовой охраны несовершеннолетних; возникло оно еще до войны, в 1913 г.

В 1916 г. оно, совместно с всероссийским союзом городов, созвало в Москве всероссийское совещание по вопросам призрения детей в связи с войной.

При камерах детского суда в разных городах возникли попечительские организации для осуществления присмотра за детьми, жертвами войны. Работа велась довольно оживленно, напротив официальные комитеты этого рода (Татьянинский, Романовский) вели весьма жалкую, исключительно показную работу.

Стали развиваться на местах учреждения для детей-дошкольников, патронат, клубы для детей, детские площадки, приискание работы для подростков силами особых бюро и проч. Напротив, в области законодательной охраны детей в этот период почти ничего не было сделано. Проект, выработанный всероссийским совещанием, тоже не получил силы закона.

Февральской революцией было создано новое министерство социальной помощи; хотя фактических следов его работы почти не осталось, но им были выдвинуты принципиально новые для того момента и ценные положения, с которыми небезинтересно здесь познакомиться вкратце.

Об'яснительная записка нового министерства подчеркивала, что необходимость социальной помощи детям выдвинута везде войной, а у нас, кроме того, революцией, обнаружившей почти полное отсутствие у нас такой помощи детям.

Переворот, по мнению записки, „обнажил вопиющую нужду, скрытую ранее под внешне урегулированными формами обычной жизни“.

„Беспризорность, нужда, преступность детей, возросшие во время войны во много раз по сравнению с довоенным временем, после революции встали перед сознанием государства и общества как бы в многократном отражении всех своих неизбежных последствий — невежества, беспринципности, полного непонимания социального долга солидарности и труда“.

Ценно и, по тому времени, ново было то, что задачей признавалась уже не только помощь детям одеждой, кровом и пищей, но и „социальным воспитанием на основе самодеятельности и трудовых принципов воспитания“.

Но практически, и притом, на еще гораздо более широком идейном фундаменте социальная забота о детях — в первую очередь, беспризорных — начинается у нас только с Октябрьской революцией. Уже через два месяца после переворота, 14 января 1918 года, появился первый декрет Советской власти из этой области, именно декрет о комиссиях по делам о несовершеннолетних, который внес по-истине живую струю в затхлую атмосферу вопроса.

Новый декрет, касаясь, так называемых, „детей-преступников“, в действительности наиболее запущенных и беспризорных категорий детства, с величайшей последовательностью и прямотой отказывается от репрессивной борьбы с несовершеннолетними. Решительно порывая с прежними методами борьбы (особые детские суды, пониженные сроки заключения в тюрьмах), государство отныне признает за собой долг давать беспризорному ребенку или подростку место не в тюрьме, а в учреждениях общественного призрения (позднее — социального воспитания, перевоспитания).

Мы не можем здесь прослеживать шаг за шагом сложную и пеструю историю советского законодательства о детях и, в частности, законодательства о подсудности детских правонарушений, о пределах ведения комиссий и т. д. Мы изложим это лишь в немногих словах, ограничиваясь преимущественно сегодняшним положением вопроса.

В смысле ведомственности дела охраны беспризорных был сделан, после некоторых колебаний, окончательный, и вполне правильный шаг: из ведения органов социального призрения или в дальнейшем социального обеспечения, все дело это было передано в руки Наркомпроса и отделы народного образования на местах.

Это и понятно, ибо центр вопроса, конечно, в приемах социального в о с п и т а н и я, включая и образование также. Правовая охрана и защита детства была сосредоточена в особом отделе правовой охраны в Наркомпросе, в частности — в под'отделах социального воспитания на местах. Линии борьбы с беспризорностью переместились, как

и надлежит, в сторону профилактики, предупреждения беспризорности со всеми последствиями этой последней.

И если Советская Россия на этом пути сделала гораздо меньше, чем следовало, то здесь нет вины непонимания, или ложных приемов, а есть лишь вина внешних об'ективных препятствий, именно — нашей бедности, разрухи и недостатка в подходящих работниках.

В основных своих чертах задача профилактики сводится к созданию достаточно емкой и оборудованной сети учреждений социального воспитания (включая и все виды дефективного детства), к укомплектованию и расширению сети школ общих и профтехнических, к всесторонней законодательной охране труда детей и подростков (в том числе — и к борьбе с безработицей в их среде), к облагорожению „улицы" для ослабления ее растлевающего влияния на молодежь и, наконец, к широкой поддержке и пропаганде всех видов физического воспитания, развития и спорта. На некоторых частях этой „программы — максимум", которая даже наполовину еще долго останется для нас непосильной, мы здесь вкратце остановимся.

В центре стоит, конечно, система учреждений социального воспитания, ибо они не ограничивают своей задачи предупреждением беспризорности, но имеют положительную, творческую цель *перевоспитания* нашего детства на новых началах, подготовку молодого поколения к новому строю и новому обществу.

С невиданной в мире энергией и широтой размаха Советская Россия стала строить детские дома, школы-коммуны, школы-клубы, дома для дошкольников, ясли, детские площадки. Нищая страна из последнего урывала, чтобы поддержать эти зачатки новой, более здоровой, разумной и счастливой жизни детей; у себя изо рта вынимали голодные, чтобы накормить беспризорного ребенка, обогреть его иззябшее тело и душу, скрасить его скудное, бесприютное существование.

И достигнуто было, в известную пору, очень многое: дом ребенка, очаг любовной заботы о нем стал прочным, рядовым элементом быта. Он проник в глухие уездные города, в села и деревни, и широко, настежь раскрыл свои двери детям трудящихся. На ошибках своих, иногда тяжких

и болезненных, училась страна строить достойные очаги социального воспитания; в муках родов создавался и накапливался опыт у новичков, которым, за отсутствием подготовленных работников, приходилось поручать ответственнейшее дело воспитания.

Но дальнейшему росту дела наша нищета нанесла тягчайший удар.

Сначала три года злейших эпидемий, потом бедствия голодной полосы с невероятным под'емом сиротства и беженства, с обострением бедности и безработицей — все это привело сотни наших учреждений социального воспитания к кризису и краху. Новый строй хозяйственных отношений отразился на них также очень болезненно. В результате годы 1922 и первая половина 1923 г. стали периодом резкого сужения размаха борьбы с беспризорностью, сокращения числа учреждений социального воспитания и уменьшения их емкости.

Только к концу 1923 г. учреждения эти, как и большая часть учреждений Наркомпроса и вообще „нехозяйственных" ведомств, стали оправляться от временного оцепенения и паралича. Процесс ликвидации сделанного приостановился и Соцвос даже перешел снова „в наступление".

Старые учреждения, в том числе и часть детдомов, стали переходить на хозяйственный расчет, присоединяя к своему аппарату разного рода мастерские и вообще производственные единицы; вместо ликвидированных стали возникать новые учреждения, хотя пока еще и робко, нащупывая почву. Принципы социального воспитания остались при этом, конечно, прежние.

Сейчас, на пороге более устойчивого и нормального периода, когда ужасы голода и эпидемий уже позади, а острота хозяйственной неурядицы тоже явственно преодолевается, мы можем в этом отношении спокойно смотреть в будущее: не пройдет и десяти лет, как Россия снова покроется достаточно мощной и хорошо снабженной сетью детдомов и вообще учреждений по предупредительной борьбе с беспризорностью.

Что касается института опеки, то количественно он еще не успел получить должного развития, хотя разработан отчетливо и развивается планомерно.

В противоположность опеке прежних времен, которая интересовалась исключительно имущественными делами подопечных, современная опека по советскому праву преследует, главным образом, интересы личности несовершеннолетнего, его воспитания, являясь, таким образом, определенным звеном в системе органов и учреждений для беспризорных детей.

Наибольшее внимание, естественно, отдается правильному подбору опекунов из людей, происхождение и положение которых гарантировали бы разумную и добросовестную защиту интересов подопечного.

Для обследования положения подопечного и обследования пригодности кандидатов опекуны пользуются, в качестве вспомогательного аппарата, работниками социальной инспекции (социальные инспектора) и воспитателями-обследователями, группирующимися вокруг комиссий.

Гораздо больше может нас беспокоить вопрос о подготовке надлежащего числа работников по социальному воспитанию и, в частности, по правовой охране детства.

Если наша борьба с детской дефективностью всех родов, несмотря на лихорадочную энергию, здесь проявленную, дает все же сравнительно слабые результаты, то это в одинаковой мере надо приписать как скудости наших специальных учреждений по дефективности, так и слабостью — количественной и качественной — нашего персонала в этой борьбе.

В сборнике „На помощь ребенку“ находим следующие, относящиеся к середине 1923 г., данные о числе учреждений по дефективности: разного рода учреждений для морально-дефективных было 188 на 5.096 детей, для умственно-отсталых — 51 учреждение на 2.013 детей, для слепых — 21 учреждение на 809 детей и для глухонемых — 48 учреждений на 2.189 детей — всего около 300 учреждений, обслуживавших 10.000 детей.

И по линии физической дефективности, обслуживаемой Наркомздравом, и по линии дефективности умственной и нравственной, состоящей в ведении Наркомпроса, данные эти еще более отстают от потребности, чем в области социального воспитания нормальных детей, только-что нами рассмотренной.

Уровень „дефективности“ наших подростков, прошедших через ужасы, потрясения и бедствия последнего десятилетия, так велик, что мы, строго говоря, больше нуждаемся именно

в этого типа учреждениях, чем в типах нормального социального воспитания: беспризорность нашего детства дает огромный процент социальной недостаточности разного рода. И вот для этих-то именно учреждений у нас до жалости мало не только специалистов-работников, но и вообще более или менее подходящих людей.

Одной из причин такого недостатка людей, среди прочих причин, является неправильное представление о том, что такое дефективный ребенок и чего от него можно ждать. Мне в моей работе детского судьи приходилось часто, на лекциях и в повседневной деятельности, встречать неправильное представление о дефективном ребенке, как о каком-то выродке, уродце, калеке, которым можно заняться лишь из сострадания.

Такое представление приложимо только к тяжелым видам дефективности, которые представляют довольно редкое исключение. Кто посвящает свои силы уходу за слепыми, или калеками, или глухонемыми, тот действительно руководится при этом сочувствием к обделенным природой, убогим детям, которым из жалости хочется помочь, сделать сносным их безрадостное существование, их тоскливое приближение к могиле.

Совсем иное с большинством так наз. „дефективных“, где усилия воспитателя могут надеяться не только сделать сносным их существование, но и создать ценную, одаренную, богатую и яркую индивидуальность. Дефектист в своей работе действует аналогично садовнику, который выравнивает искривленное — в большинстве случаев внешними силами — деревцо, чтобы получить крепкое и здоровое растение.

И потому не на одном сострадании зиждется его деятельность, но и на радостном сознании т в о р ч е с т в а: он творит новую ценность, он возвращает коллективу великое благо выравненного ребенка, который иначе не только погиб бы для себя и для коллектива, но еще и стал бы бременем, превратился бы в разлагающую коллектив силу, в отрицательную величину.

Сказанное особенно относится к области нравственной дефективности. Не учесть того колоссального ущерба, какой нанесен человечеству легкомысленным зачислением детей в разряд нравственно испорченных, морально-дефективных, „неисправимых“, и пр.

Сплошь и рядом такая квалификация ребенка об'ясняется не его дурными качествами, а негодностью воспитателя: не умея воспитывать и вообще влиять на ребенка надлежащим образом, он наклеивает на него ярлык неисправимости или испорченности, когда в действительности неисправим и безнадежно негоден он сам на посту воспитателя, руководителя юношества.

Вообще термин „дефективности“ лучше отбросить вовсе — он только плодит недоразумения. В громадном большинстве случаев речь идет не о дефективном ребенке, а о запущенном, в смысле воспитания.

Иногда ребенок или подросток грешит только излишней живостью характера или воображения, иногда его натура не укладывается в размеренные рамки школы не потому, чтобы он был ниже ее среднего уровня, ее шаблона, а напротив, потому, что он выше ее, или что, вообще, он — иной. То же относительно детского дома, вообще всякого детучреждения.

И кто учтет, сколько Менделеевых и Лениных, Репиных и Толстых мы теряем от того, что не оцениваем правильно степень и характер нравственного ущерба в ребенке, не беремся своевременно за работу „ортопедагога“, по удачному выражению проф. П. Г. Бельского!

А ведь, эта „дефективность“, временная или просто мнимая, есть последствие беспризорности!

В последние годы термин „моральная дефективность“ у нас даже совсем изгоняется, и один из наиболее авторитетных педагогов-марксистов, П. Блонский в своем докладе на московской конференции по борьбе с беспризорностью (март 1924 г.) обосновал ненаучность, вздорность и сумбурность теории моральной дефективности. Теория эта не выдерживает критики уже потому, что мораль не является чем то вечным и неизменным, какой-то совестью, вложенной в человека свыше. Не только на протяжении истории моральные представления менялись в корне, но даже в каждый данный момент они часто диаметрально противоположны у различных классов общества.

Такой вывод имеет и огромное практическое значение, поскольку дело о воспитании так наз. морально-дефективных детей — в значительной своей части беспризорных — требует от педагога особого подхода. Конечно, при воспитании таких

детей надо исходить из жизни данного ребенка, из его жизненных интересов, учесть его предыдущий опыт, но ничего специфического эта педагогическая задача в себе не заключает.

Если есть в этой области что-нибудь действительно дефективное — заканчивает П. Блонский — то это только „научная дефективность тех ученых, которые даже в 1924 г. продолжают говорить о столь архаических вещах“.

С другой стороны, грубым и тоже совершенно ненаучным является ходячее представление о крупной роли психопатии в явлении беспризорности. Буржуазные ученые Запада не устают говорить о психопатическом предрасположении, о ряде врожденных инстинктов, фатально, будто бы, ведущих ребенка к беспризорности.

По этому поводу проф. А. Б. Залкинд на той же московской конференции справедливо указал, что нет никаких оснований утверждать, будто беспризорные дети, которые в подавляющем большинстве (95 — 98%) происходят из пролетарской среды, более отягощены психопатией, чем дети других классов.

Капиталистическому обществу и его представителям науки выгодно сваливать всю ответственность за уродства капиталистического строя на беспризорного ребенка, обвинять природу беспризорного ребенка и того класса, к которому он принадлежит, что она отягощена неизлечимыми болезненными чертами. Но в действительности беспризорные дети не больше отягчены наследственно, чем дети средних и, особенно, высших классов. Поэтому место проблемы наследственности и вырождения занимает здесь проблема окружающей ребенка среды (см. „Борьба с беспризорностью“. — Материалы I московской конференции. М. 1924).

Для того, чтобы правильно найти подход к беспризорности, надо раз навсегда отделаться от близорукости и прямолинейности, которые обычно видят в беспризорном только те неприглядные, отталкивающие черты его, которые сразу бросаются в глаза: его грубость, подозрительность, склонность к паразитизму, к беспорядочности, к грязи, к употреблению наркозов и другие недостатки, свойственные всякой выбитой из колеи, деклассированной среде.

Наряду со всеми этими недостатками у беспризорного развивается смелость, активность, практичность, находчивость,

изобретательность, самостоятельный характер, необычайная приспособляемость и большой запас психо-физического здоровья.

По замечанию Е. М. Лившица, основанному на наблюдениях над беспризорными в московских ночлежках, беспризорные считают все дозволенным по отношению к „фраерам“, чужим, но в то же время внутри своей группы строго соблюдают дисциплину, подчиняются определенным правилам, имеют свои законы, свою мораль. Так, соблюдение тайны своей группы, дележ добычи между всеми членами ее, даже не участвовавшими в „работе“, помощь своим в нужде, забота о больных, о маленьких ребятах, попадающихся иногда среди больших, все эти неписанные законы исполняются беспрекословно и нарушение их жестоко карается.

Все эти ценные черты необходимо учесть и использовать, направив их, конечно, в нормальное русло и на нормальные, согласные с интересами общества, цели.

Необходимо вдохнуть в широкие рабочие круги, в частности в среду работниц женотделов, интерес к правовой охране детства вообще, к воспитанию дефективных детей в частности и особенности. Это — труд, не только захватывающе интересный, и разнообразный, но и истинно творческий, благодарный и радующий.

Здесь мы не можем даже приблизительно охарактеризовать все разнообразие входящих сюда видов деятельности, из которых многие, кстати сказать, впервые созданы именно у нас, культурой советской эпохи. Но в широком смысле органами борьбы с дефективностью являются следующие.

Прежде всего, — комиссии о несовершеннолетних, в состав которых входит врач, педагог и юрист, далее, разного рода подсобные, группирующиеся вокруг комиссии, учреждения, каковы: приемники, распределители, дома принудительного воспитания разных типов, воспитатели-обследователи и детская социальная инспекция.

Второстепенную, хотя все же весьма важную функцию выполняют юридические консультации и бюро для приискания работы подросткам, особенно после выхода их из детдомов и вообще детучреждений, затем уже упоминавшиеся нами адресные детские столы и, наконец, весьма важный и ответственный институт опеки над несовершеннолетними.

Из всего этого перечня к нашей теме беспризорности ближе всего подходят комиссии, социальная инспекция и институт опеки; сюда же примыкает трудовая помощь подросткам и борьба с безработицей среди них, а также институт патроната, городского и сельского.

В составе комиссии наличие одного представителя права и суда при двух представителях педагогии и медицины соответствует сравнительному значению того и других в работе комиссии: как мы уже говорили, в основе ее работы лежит именно принцип перевоспитания, а не наказания и возмездия.

Педагогическое воздействие необходимо для искоренения, нейтрализации тех дурных влияний среды, в каких жил юный правонарушитель, вообще беспризорный, а участие врача нужно потому, что в основе многих нравственных недочетов и неурядиц лежит то или иное телесное либо нервно-психическое расстройство, или недостаточность, или даже прямая болезнь.

Комиссия находится в центре всей правовой охраны детства, но фактическая работа сосредоточивается в подсобных по отношению комиссии учреждениях, какова, прежде всего, детская социальная инспекция. Ее роль — непосредственно предупредительная: не ожидая, пока беспризорность выльется в болезненную форму дефективности, поведет к пьянству или кокаинизму, проституции или преступлению, социальный инспектор отыскивает детей и подростков, находящихся в социально-опасном положении, и старается поставить их заблаговременно в более нормальные условия.

Неразумно, нецелесообразно и даже просто невыгодно лечить далеко зашедшие формы беспризорности: следует заранее выравнивать обстановку, в которой живет ребенок, и перевоспитывать его. И вот, социальный инспектор посещает все места, где излюбленно собирается беспризорная молодежь больших городов, обходит базары, вокзалы и пристани, чайные и притоны, дворы и дома бедноты, мастерские кустарей и ремесленников, кинематографы и общественные сады — словом, места, где всего легче встретить ребенка заброшенного, запущенного, дефективного или эксплоатируемого.

Речь идет, таким образом, об обслуживании крайне разношерстной массы беспризорных. Здесь и случайно попавшие сюда дети, заблудившиеся, утратившие связь с родными,

и сироты, совершившие что-либо общественно-опасное или еще не совершившие, жертвы невежества взрослых и небрежности или злого умысла. Сюда входят не только суб'екты правонарушения, но и об'екты его, жертвы нарушения взрослыми жизненных интересов детей.

Член социальной инспекции — братья или сестры социальной помощи, как их называли в начале — идут всюду, где слышится тихий, полузадушенный стон ребенка, будет ли то в семье или в детучреждении, в мастерской или за прилавком, на улице или на заводе.

Еще в ноябре 1921 г. число братьев и сестер социальной помощи достигало 1.000 вместо 411 за два месяца до того, но что значит какая-нибудь тысяча членов социальной инспекции, даже две, даже пять тысяч на пространстве огромной страны? И теперь приходится повторить вслед за тов. Н. Семашко (писавшим об этом летом 1922 г.), что наша социальная инспекция — это, покуда, горсточка людей, которая растворилась, растаяла в наших просторах.

Но путь социальной инспекции — путь надежный и правильный, путь уже испробованный отчасти и с отличным успехом за рубежем, особенно в Германии и Америке; возрождающаяся хозяйственно Россия, несомненно, направит сюда свои усилия в борьбе с беспризорностью.

В области законодательной охраны труда у социальной инспекции есть также своя, очень ответственная задача. Находясь в постоянном контакте с общей инспекцией труда, социальная инспекция специально обслуживает охрану труда детей и подростков в ремесленных и кустарных предприятиях, которые не пользуются наемным трудом. Кроме того, инспектор труда обязан извещать социальную инспекцию об обнаруженных им фактах эксплоатации детей и подростков в промышленности, для принятия соответствующих мер.

Сказанное приводит нас к вопросу борьбы с безработицей среди детей и подростков, которая, с одной стороны, является следствием беспризорности подростка, отсутствия заботы взрослых о нем, а с другой стороны — сама обуславливает собой состояние опасной беспризорности.

Борьба с бедствием безработицы в жизни молодежи которое со времени введения новой хозяйственной политики, приняло весьма значительные размеры, достигнув к концу

минувшего 1924 г. 600.000 чел., лишь отчасти совпадает с деятельностью органов правовой охраны, но мы не можем хоть в двух словах не коснуться ее.

Причин безработицы много. Здесь и слабая подготовка наших подростков к профессиональному труду, слабый уровень квалификации их работы, здесь и сокращение штатов на предприятиях, прежде всего, за счет подростков (и женщин). Сокращение подростков на крупнейших предприятиях носило такой массовый, огульный характер, что под угрозу становились не только жизненные интересы самих работающих подростков, но и интересы самого производства, которое рисковало остаться в ближайшие годы без подготовленной и обученной в самом процессе производства смены и резервов.

Насколько круто падает, вследствие вытеснения из производства, % занятых в нем подростков, видно из следующего: к началу 1914 г. они составляли 10,6% общего числа рабочих, к средине 1921 г. — 9,4%, к началу 1923 г. — 6,5% и к началу 1924 г. уже только 5,5%.

Связь между безработицей среди подростков с одной стороны, беспризорностью и преступностью с другой, несомненна и подтверждается статистически. Так, О. Баранов (Юношеский труд на Украине". Харьков, 1922) пишет:

„Первая волна увольнений подростков со службы и с фабрик прокатилась по Украине с июля по конец сентября 1921 года. За этот период было выброшено из производства до 11.000 подростков, т.-е. 27%. По Одессе % увольненпя равнялся 30%, по Харькову — 24%. Движение же данных о детской преступности за это время показывает следующее: в Одессе в январе 1921 года было совершено несовершеннолетними 443 правонарушения, а в июле — 540; преступления против собственности возрасли с 67—в январе, до 199—в июле".

„Путь улицы, спекуляции и преступления — делает вывод автор — был тем путем, на который пошли многие из этих подростков, выброшенных из производств. Кто не помнит зим 1918 — 1920 г.г. с своеобразным образованием городских бандитов и налетчиков. Всем также известно, что и пополнялись они, главным образом, из среды этой бывшей рабочей молодежи".

Как известно, против такой тенденции наших хозяйственных организаций и предприятий пришлось даже выставить

законодательную норму, в виде декрета о „броне“: в разных отраслях труда, в зависимости от особенностей данного производства, был установлен минимум (от 3 до 20%) общего числа рабочих и служащих, ниже которого не должно опускаться количество занятых в предприятии подростков.

Другую форму борьбы с безработицей среди подростков представляет собой забота о расширении нашего профтехнического образования и школ фабрично-заводского ученичества. Сюда в последние годы направлены усилия Главпрофобра и РКСМ, здесь сосредоточена громадная обследовательская организационная работа, от которой можно ждать многого.

Наконец, третью форму представляет собой устройство разного рода трудовых общежитий, трудовых коммун, мастерских, производственных артелей и пр. Эта работа находится пока лишь в начале своего развития, но и такая трудовая помощь требует к себе самого пристального внимания, особенно в виду столь острого сейчас у нас безденежья. Между тем, опыты трудовой помощи блестяще показывают, что она может вполне окупать себя, не требуя затрат со стороны государства.

Сюда же примыкает уже упомянутая выше забота о приискании работы и службы для подростков, выходящих из домов социального воспитания, в частности домов принудительного воспитания. Наибольшее значение это имеет для подростков, оканчивающих срок лишения свободы.

Ибо в настоящее время, согласно новому Уголовному Кодексу, безусловному ведению комиссий подлежат только малолетние, т.-е. не достигшие 14 лет, дети в возрасте от 14 до 16 лет, в случае совершения какого-либо правонарушения, в известных случаях, направляются для разбора дела в народный суд, а подростки в возрасте от 16 до 18 лет и совсем из'яты из ведения комиссий, и дела о них целиком подсудны общему (народному) суду.

В тех случаях, когда юный правонарушитель, согласно сказанному, оказывается перед общим судом, последний в подлежащих случаях может приговорить его к лишению свободы.

И вот, если по выходе из места заключения подросток не встретит в лице органов правовой охраны сочувствия и реальной поддержки, если ему не будет оказана помощь в приискании работы и крова, то он неминуемо будет

обречен на новую беспризорность, на новое преступление, на рецидив.

То, что могло бы остаться в его судьбе преходящим эпизодом, мрачной, но бесследно миновавшей страницей, превратится в начало цепи преступлений, в падение вниз по наклонной плоскости. Тут-то и необходимо подобное бюро. Но и эта сторона правовой охраны у нас пока, к сожалению, лишь в зачатке.

Вернемся, однако, к социальной инспекции. Обо всех случаях обнаруженной беспризорности социальный инспектор доводит до сведения комиссии, если требуется принять какие-нибудь специальные меры, например, вчинить иск перед судом о злоупотреблении родителей своей властью над детьми, об отобрании ребенка или ограничении родительской власти, о назначении опеки и пр.

Вообще же детей, в той или иной мере беспризорных, инспекция направляет в одно из учреждений социальной помощи, в первую очередь в приемник, который аналогичен медицинским пунктам скорой помощи и оказывает беспризорным первоначальную, неотложную поддержку и заботу.

В дальнейшем выясняется, куда именно должен быть направлен подросток для более основательной, так сказать, обработки, нуждается ли он прежде всего в под'еме уровня питания, в излечении от определенного расстройства здоровья или же в том или другом виде перевоспитания и обучения.

Словом, выбирается определенная система медико-педагогического воздействия, которая наилучшим образом способна будет загладить ущерб беспризорности, нанесенной ребенку, залечить раны, ею вызванные.

Но, разумеется, от организационного плана, хотя-бы и совершенного, еще очень далеко до его осуществления на практике. Намеченные выше цели — это тот идеал борьбы с беспризорностью, какой выдвинут Советской Россией, поставлен ею на очередь, но еще очень далек от полного проведения в жизнь.

К лету 1922 г. по всей Республике существовало 245 комиссий о несовершеннолетних, 490 обследователей (непосредственно подготовляющих дела к слушанию в комиссии, сотрудников ее), 160 распределителей, 237 приемников, 277 стационарных учреждений перевоспитания и 1.252 работника по детской инспекции.

К началу 1924 г. РСФСР (без автономных республик) располагала 127 приемочными распределителями, через которые в течение 1923 г. прошло 45.400 детей и подростков.

За последние 2 — 2½ года учреждения правовой охраны подверглись тем же испытаниям, что и вся вообще сфера народного просвещения: новые хозяйственные отношения очень чувствительно сузили их размах, и без того далеко недостаточный. Будем надеяться, что начавшееся уже хозяйственное возрождение страны поможет этому аппарату оправиться от финансового разгрома и вернуться к процессу углубления и роста.

В настоящих условиях, при крайне слабом снабжении комиссий подсобными воспитательными учреждениями, работа по правовой охране а следовательно и по борьбе с беспризорностью, по предупреждению ее остается в значительной мере бесплодной. Комиссии бывают вынуждены ограничиваться словесными внушениями даже там, где необходимо более или менее радикально изменить обстановку, в которой живет подросток.

Приемники, распределители, детские дома для дефективных, организации Союза Молодежи, рабочие клубы, разного рода учреждения внешкольного образования, художественного воспитания и пр. бедно оборудованы и фактически слабо влияют на наше детство. Работников и по штатам недостаточно, а имеющиеся налицо зачастую бегут на другие, более „сытые" должности.

Все это, вместе взятое, не раз засвидетельствованное в центральной печати, между прочим, и в статьях Наркома здравоохранения Н. Семашко, дало даже повод РКИ напечатать в „Известиях ВЦИК" в средине 1922 г. резко отрицательную, прямо убийственную оценку всей деятельности Наркомпроса в области правовой охраны и борьбы с беспризорностью. Но эта оценка, как тогда же было убедительно доказано в печати, страдала чрезмерным сгущением красок и отсутствием перспективы.

Нельзя закрывать глаз: удельный вес всех нынешних учреждений по правовой охране детства еще очень скромен, их влияние на борьбу с детской беспризорностью ни в какой мере не идет в сравнение с потребностью и размером бедствия. Все это покуда остается еще далеким идеалом.

Нынешние детские учреждения для беспризорных как первичные, так и стационарные, в значительном большинстве своем сохраняют черты старого, отжившего мира. Необходимо, чтобы в этих учреждениях, действительно, не было ни „малолетних преступников“, ни „морально-дефективных, ни воспитанников „приюта“, ни дядек, ни воспитателей: здесь — равноправные члены коммуны, старшие и младшие товарищи, одушевленные одной целью — вырваться общими усилиями на трудовой путь, стать строителями Советского государства.

„Здесь заботятся об одном: каждому нужно найти труд по его способностям, всех надо вовлечь в интересную общественную жизнь, всех нужно держать в курсе современности, в курсе нашей политической жизни, заразить энтузиазмом нашей комсомольской молодежи“... (Е. М. Лившиц — „Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею“. М. 1924).

Но, во-первых, в железных тисках бедности обескровленная страна и не могла сделать большего, а во-вторых, если захотеть быть строгим, то сурового суда не выдержит ни одна сторона нашего строительства. И нет никаких оснований применять именно к данной, интересующей нас области особенно строгий критерий, исключительно суровую мерку.

Важно то, что курс — после колебаний, неизбежных во всяком новом деле, новом и идейно, и организационно — взят правильно. Свою культурную, просветительную и воспитательную — не говоря уже о научной — роль наши органы правовой охраны как-никак выполняют, и под их влиянием в толще городского населения исподволь меняются, облагораживаются взгляды на ребенка и на его воспитание. Все эти многообразные учреждения, направленные к борьбе за лучшее будущее ребенка, борются с темнотой, с заскорузлостью, с прадедовским „мое дитя: что хочу то с ним и делаю“ — которое так мощно сковывает судьбу ребенка в семье.

Ибо нищета наша — родная сестра темноте, и обе они — главные попустители беспризорности, злейшие враги детства.

Теперь можно быть спокойным: период идейного разброда в данной области, разного рода крайностей и преувеличенных оценок закончился, все попытки, до сих пор еще вспыхивающие то тут, то там, особенно в среде органов судебно-розыскных и административных, все попытки из'ять дело

борьбы с беспризорностью и ее последствиями из Наркомпроса и передать ее в органы только-что названные, — теперь не имеют больше шансов на успех. Пусть отдельные энтузиасты „пресечения и наказания“ покачивают головами по поводу слабых результатов работы по правовой охране, но теперь уже общепризнано, что это — ведомственное увлечение, не больше.

Наш аппарат правовой охраны, наши рессурсы перевоспитания, правда, еще слабы, они нащупывают дорогу, они делают ошибки, но кто же и когда не делает их, строя нечто новое.

Что положение на этом фронте серьезное и что эта серьезность признается не подлежит сомнению — порукой тому служит хотя бы существование двух крупных организаций чрезвычайного порядка: это Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК'е и Московская чрезвычайная комиссия борьбы с беспризорностью.

С осени 1923 г. начата, кроме того, энергичная кампания за создание особого, в масштабе всей Федерации, общества „Друзей детей“ с обширными задачами и правами; общества эти насчитывают в настоящее время несколько сот тысяч членов. Ибо борьба — что также общепризнано — не должна ограничиваться рамками „ведомства“, но должна иметь самый широкий общественный базис. Наиболее здесь заинтересованы и наилучше могут приложить свои силы женотделы и Комсомол, в лице своих экономически-правовых комиссий.

Помимо названных, к делу охраны детства и борьбы с беспризорностью привлечены еще следующие организации: комитеты обществ крестьянской взаимопомощи, низовые рабочие ячейки, кооперации, студенты ВУЗ'ов, школы и юные пионеры.

Видную профилактическую роль в борьбе с беспризорностью призвано сыграть мощное и все растущее детское коммунистическое движение, которое охватило уже до 1 миллиона детей.

В смысле финансирования детских учреждений большие услуги уже теперь оказывает планомерно проводимый в жизнь принцип шефства над ними со стороны хозяйственных органов. Но, разумеется, на это надо смотреть лишь как на временное явление и паллиатив, впредь до урегулирования

государственных финансов и прямых государственных ассигнований на социальное воспитание.

В область взаимоотношений между родителями и детьми революция внесла окончательную победу нового взгляда на родительскую власть. Отныне власть эта потеряла — и, разумеется, навсегда, — свой ореол святости, абсолютности и неограниченности.

Старая соблазнительная в своей стройности формула: „один бог на небе, один царь на земле, один отец в доме“ — с начала двадцатого века стала уступать место другой, более здравой и человечной истине: родители в отношении детей имеют в такой же мере права, как и обязанности и власть их допускается лишь до тех пор, покуда она осуществляется в интересах детей. В противном случае она должна быть самым решительным образом ограничена или даже вовсе отнята у злоупотребляющего этой властью отца или матери.

Государство — естественный опекун всех детей, свои права опеки оно только передоверяет родителям и лишь на определенных, предусматривающих благо ребенка, условиях.

На западе (особенно в Англии) и в Америке ограничение власти родителей или лишение их этой власти регламентировано сравнительно давно, но там оно имеет в виду почти исключительно случаи жестокого обращения с детьми, вообще резкого злоупотребления властью и, кроме того, обставлено довольно стеснительными формальностями. В царской России, где патриархальный уклад семьи с неограниченным монархом-отцом так удачно гармонировал с государственным строем, закон целиком был на стороне этого владыки, авторитет которого поддерживался всей силой закона и церкви.

История русских обществ защиты детей от жестокого обращения полна примерами той упорной и долгой борьбы, какую им приходилось выдерживать для того, чтобы вырвать ребенка из рук настоящего истязателя-отца или свирепой пьяницы-матери. Этим щитом закона царское правосудие пыталось поддерживать „священный авторитет“ родителей, как оно пыталось достигнуть того же и в отношении самодержавия государственного.

Советское право решительно порвало не только с варварским порядком, господствовавшим в царской России, но и с той половинчатостью, теми сложностями и формальностями, какие

еще сохранились в данной области в законодательстве культурных стран. У нас абсолютность авторитета семьи развенчана полностью, и вопрос об ограничении прав родителей или полном лишении их власти над ребенком, отобрании его государством решается очень просто и легко постановлением народного суда, по ходатайству комиссии о несовершеннолетних вообще органов Соцвоса [1]).

Но, разумеется, прибегать к такой мере стараются редко, только в случае явной необходимости, при отсутствии всяких других способов оградить интересы ребенка. Мы уже видели выше, какое разрушительное действие на ребенка имеет отсутствие или потеря семьи, дома, убежищ, как все это приближает его к беспризорности, к гибели телесной и нравственной. Поэтому „семь раз“ надо раньше отмерить, пока решишься перерезать пуповину, связывающую ребенка с семьей.

Мы стоим на пороге нового общества, которое стремится разрушить ячейку отдельной семьи, создав для ребенка общественное воспитание, но покуда последнее не создано или страдает такими крупными дефектами, какие присущи сейчас нашим детским домам, нельзя с легким сердцем пересекать связь ребенка с домом.

И органы правовой охраны обычно испробуют сначала разные другие меры, хотя бы и связанные с переменой обстановки, окружающей ребенка, но не прерывающие формально с почвой, на которой он вырос, с его естественными, покуда, защитниками.

---

[1]) Право возбуждать дело о лишении родительской власти имеют не только заинтересованные стороны, не только представители государственной власти, но и частные лица (прим. к ст. 153 Положения об отделах записей актов гражданского состояния). Родители обязаны заботиться о личности своих несовершеннолетних детей (ст. 154 ЗАГС), причем забота эта не прекращается о сыне до 18 лет, а о дочери до 16 лет (ст. 149 ЗАГС).

Что забота их о детях должна быть всесторонней, иметь своей задачей создание „здорового духа в здоровом теле“, видно из ст. 155 ЗАГС, которая предусматривает обязанность для родителей готовить из своих детей полезных граждан трудового государства, подготовление их к полезной деятельности.

В Ленинграде губсуд только осенью минувшего 1924 г. впервые применил новую статью 42 р. Угол. Кодекса, лишив Ольгу Клопову, как содержательницу притона разврата, завлекшую при том в проституцию свою малолетнюю дочь, — родительских прав в отношении всех трех ее детей, вплоть до их совершеннолетия.

Но там, где налицо злая воля родителей, прямое развращение детей или систематическое пренебрежение их интересами, там закон наш предоставляет органам правовой охраны детства возможность одним ударом раскрепостить ребенка от ярма семьи, как он раскрепощает женщину от зависимости в браке.

Охрана беспризорных детей и вообще детства — задача двухсторонняя, и очень важно иметь в виду одновременно обе основные стороны задачи.

Вопросы законодательства, организации учреждений, подбора и подготовки работников — это только половина дела: вторую половину представляет собой коренное изменение взглядов массы на ребенка, на цели воспитания, на положение ребенка в семье и в обществе.

Революция в сфере политической, затем в сфере социальной — это еще далеко не все: необходимо радикально перетряхнуть все взаимоотношения людей, всю сумму человеческих взаимосвязей в недрах семьи.

Революция не победила, покуда она не захватила в свою орбиту также и семью, самую жгучую опору старого мира. Необходимо, чтобы свежий воздух овеял цитадели старины — спальню, кухню, детскую комнату: революция учреждений или революция в мастерской, или на заводе — это еще недостаточно, это еще не глубь жизни личности.

Действительное, а не только на бумаге проведенное раскрепощение женщины, освобождение ее, а с нею и всего уклада семейной ячейки, от суеверий, от религиозного дурмана, от власти кухни и плена житейских мелочей, повышение душевного строя и интересов матери, оздоровление школы, облагорожение полового быта взрослых — вот необходимые предпосылки для здорового воспитания ребенка, наилучшая, наряду с под'емом экономического уровня масс, страховка от беспризорности.

Старый мир завещал нам уродливую в своей однобокости заповедь: „чти отца и мать свою“ — новый мир утверждает, наравне с нею, новый завет и закон общежития: прежде всего — „чти дитя свое“, ибо оно — наше будущее, наше цветущее ожиданиями и надеждами „завтра“.

Ибо глаза ребенка направлены вперед, в еще туманную, но чреватую прекрасными тайнами даль нового мира.

В известной книге Эллен Кей двадцатый век пышно назван „веком ребенка“. Похвала, далеко не заслуженная. Наш век раннего закабаления ребенка в промышленном труде, век миллионов безработных крошек, десятилетних проституток и четырнадцатилетних арестантов, укравших с голоду кусок хлеба — это скорее „век эксплоатации ребенка“.

Эллен Кей с умилением рассказывает, как на многолюдном перекрестке Лондона полисмен, видя проходящего через улицу ребенка, подымает свою палочку — и сотни автомобилей и карет останавливаются, чтобы дать ребенку пройти. Или как в Японии любая процессия, будь то даже процессия микадо, останавливается для того, чтобы дать дорогу „Его Величеству Ребенку“.

Но все это — именно красивые моменты, трогательные детали, в основе же своей охрана ребенка только начинает входить в быт, в современность. Подобно древней цивилизации, наше время приносит неведомому богу кровавые дары, жертвует тем, что должно быть ему всего дороже, своими детьми.

Уважение к ребенку, любовная и ласковая забота о нем попрежнему остаются исключением, и это наблюдается в нашем быту во всем в крупном и в мелочах. На улице мы не даем ребенку пройти, в хвосте не уступаем ему очереди, в толпе толкаем его, бесцеремонно отодвигаем со своего пути, не дослушиваем начатого им рассказа, оставляем без ответа вопросы им задаваемые.

Мы не стесняемся по пустякам ругать ребенка, говорим с ним — из ложно понятых воспитательных соображений — всегда строго и хмуро. Мы не интересуемся его жизнью, его товарищами, его чтением и переживаниями.

Выбирая для ребенка игрушку, мы посвящаем этому меньше внимания, чем, скажем, тому, хорошо ли у нас разгорелась папироса, а школу для него и даже будущую профессию выбираем по совершенно случайным мотивам.

Даже в семье с известным достатком лучшая комната в квартире идет для гостей, куда заходят несколько раз в год, вообще для разовых случаев, а ребенок вовсе лишен своего угла или имеет самую худшую, наименее удобную и красивую комнату.

Даже без крайней необходимости, диктуемой нуждой, ребенка лишают нового платья — оно, будто бы должно

радовать только взрослого, а для маленького можно перешить из платья старших: он еще мал, „все равно не понимает“.

Мы не щадим ни времени, ни настроения ребенка: сплошь и рядом родители по пустякам гоняют его то туда, то сюда, отрывая от игры, от занятий, от интересной книги.

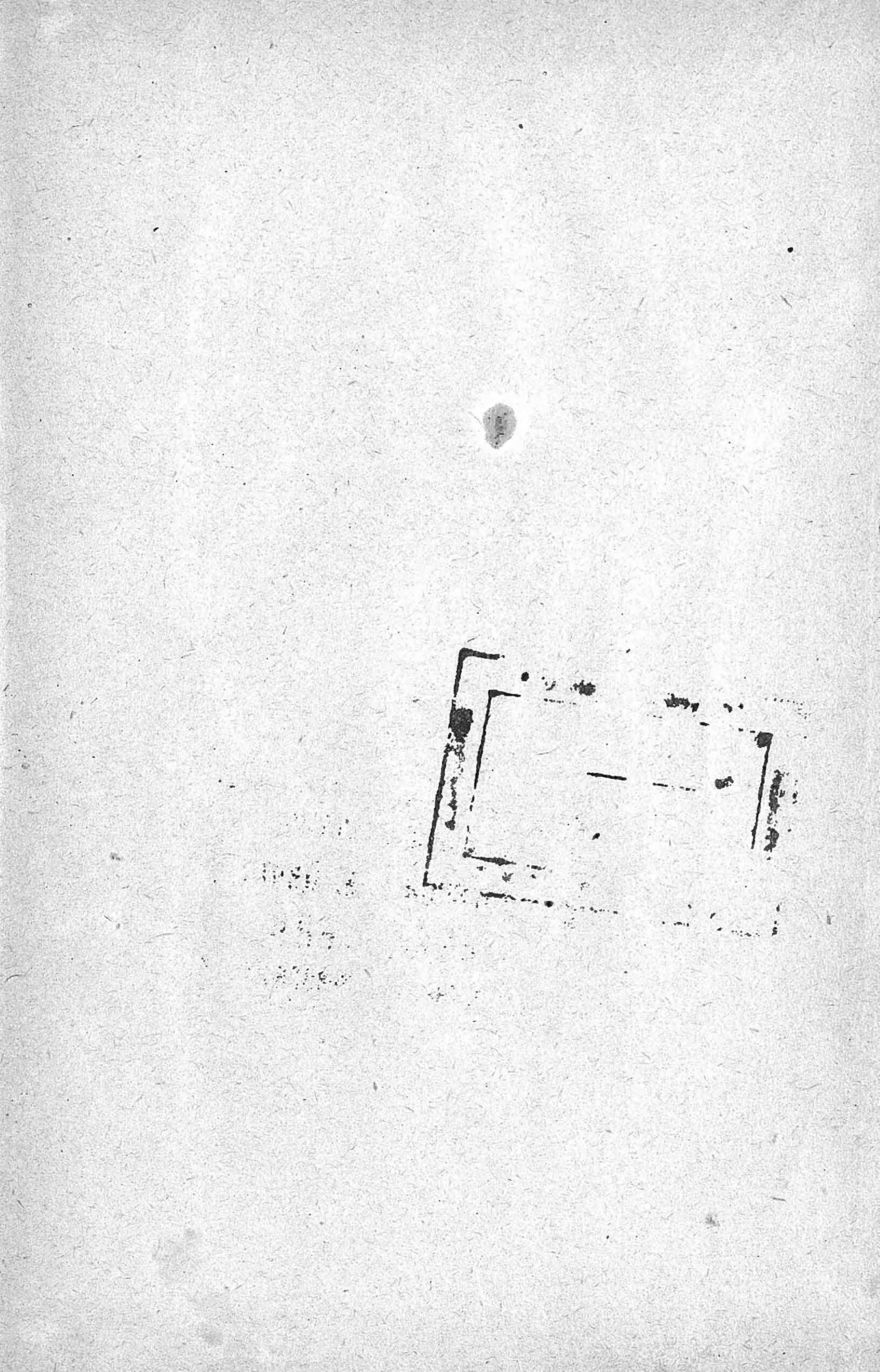
Принеси то, сходи за этим, достань, убери,— так и сыплются на маленького раба эти мелкие, не трудные, но дергающие, изводящие своим обилием, поручения. И все это без улыбки, без ласкового слова,— отрывисто, придирчиво, безапелляционно.

Вообще жизнь наша в очень слабой еще мере строится под знаком заботы о ребенке, уважения к его личности, любви и, главное, понимания его потребностей. И в этом одном, строго говоря, уже заключен зародыш детской беспризорности.

Чтобы мир, действительно, был перестроен, чтобы исчезла детская беспризорность, необходимо перестроить наше отношение к ребенку, будущему строителю жизни, пропитав это отношение широтой, уважением и человечностью.

Основная задача в деле ликвидации беспризорности — широкая и планомерная организация труда подростков, создание трудовой товарищеской атмосферы, дающей простор для приложения сил подростка, его активности, его инициативы, а основное орудие — широкая и строго организованная общественность.

ОГЛАВЛЕНИЕ.



ЦЕНА 50 КОП.



СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07
Москва, Кузнецкий мост: д. № 5/15 ком. 15, под'езд № 6, Тел. № 3—01—99 и 3—17—55.